

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

11
1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ФАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

II

1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филос. наук М. Б. БАРАТОВ, доктор филол. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ, канд. филос. наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *В. Тарахович*

Р08406. Слано в набор 13/Х-76 г. Подписано к печати 28/Х-76 г. Формат 70x106^{1/16}.
Бумага тип. № 1. Бум. л. 2,25. Печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,1. Изд. № 162.
Тираж 1375. Цена 40 к.

Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79. Заказ 266.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Издательство «Фан» УзССР, 1976 г.

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

И. ИСКАНДЕРОВ

ОРИЕНТИР — НА ВЫСОКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ

XXV съезд КПСС четко определил главные задачи десятой пятилетки, заключающиеся «в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства»¹.

В осуществление этой грандиозной задачи ЦК КПСС проводит крупные мероприятия по повышению эффективности всей экономики нашего развитого социалистического общества, строящего коммунизм.

В этом плане вопросы стратегии и тактики экономической политики партии играют важную роль для всех направлений развития производительных сил, совершенствования их размещения, укрепления экономического сотрудничества союзных республик в едином народнохозяйственном комплексе СССР, достижения новых успехов в экономическом соревновании социализма с капитализмом.

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду партии подчеркнул, что сфера экономической политики — один из решающих участков борьбы за коммунизм. Значение этой политики особенно возрастает в современных условиях, когда перед партией и народом встали новые сложные задачи дальнейшего развития народного хозяйства, укрепления экономического потенциала страны, повышения материального и культурного уровня жизни советских людей.

В этих условиях руководящая роль экономической политики КПСС проявляется в том, что, познавая и организуя использование экономических законов социализма, она обеспечивает высокие темпы социалистического расширенного воспроизводства, увеличение масштабов национального богатства, комплексное развитие народного хозяйства всех союзных республик. Следовательно, экономическая стратегия партии в современных условиях определяется основными чертами и особенностями развитого социализма, теоретический анализ которого дан в решениях XXIV и XXV съездов КПСС.

Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС подчеркнул: «Как и всякая стратегия, экономическая стратегия партии начинается с постановки задач, с выдвижения фундаментальных, долговременных целей. Высшей среди них был и остается неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа»².

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 166.

² Там же, стр. 39—40.

В свете такой постановки вопроса особенности нового, десятого пятилетнего плана характеризуются:

— последовательным претворением в жизнь долговременной экономической политики, в основе которой лежит курс на всемерное повышение народного благосостояния, создание условий для удовлетворения растущих потребностей и всестороннего развития всех членов социалистического общества;

— комплексностью и взаимообусловленностью основных направленных плановых заданий, которые охватывают все стороны повышения благосостояния трудящихся, развития народного хозяйства, совершенствования хозяйственного механизма, планирования и управления, отражающие специфические условия и требования современного этапа коммунистического строительства в нашей стране;

— дальнейшим усилением интенсивных факторов в развитии всех отраслей народного хозяйства: ускорения научно-технического прогресса, совершенствования техники и технологии производства, повышения качества продукции, роста производительности труда, более полного использования основных производственных фондов и снижения материалоёмкости продукции;

— совершенствованием управления и планирования народного хозяйства как одного из решающих факторов успешного развития экономики страны.

В основе плана текущей пятилетки лежит высокая научная обоснованность выбранных направлений социально-экономического и научно-технического развития страны — напряженность и в то же время реальность предусмотренных заданий.

Главная задача всей деятельности партии и народа — успешное выполнение величественных предначертаний XXV съезда КПСС, претворение в жизнь Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. Исключительно важное значение в решении этой грандиозной задачи имеют положения и выводы, содержащиеся в речах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана и на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС, проникнутых твердой уверенностью в успешном решении стоящих перед страной задач и с большим воодушевлением воспринятых всем советским народом. Этот оптимизм опирается прежде всего на уже достигнутые успехи в выполнении плановых заданий первого года 10-й пятилетки. Прирост промышленного производства по стране за девять месяцев 1976 г. составил 4,8% при плане 4,3%, причем реализовано дополнительной продукции более чем на 4,5 млрд. руб. Производительность труда возросла на 3,3%, а экономия от снижения себестоимости промышленной продукции по сравнению с прошлым годом превысила 1 млрд. руб.

Следовательно, Родина получит гораздо больше намеченного планом топлива, металла, электроэнергии, продукции химии, машиностроения и других отраслей. Производство товаров народного потребления в целом возросло за это время на 3,4% против 2,7% по плану, а выпуск предметов культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода увеличился на 7%.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что главное сейчас в деятельности всей нашей партии и народа — это выполнение решений XXV съезда, претворение в жизнь Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.³

³ Правда, 26 октября 1976 г.

И в этом деле уже достигнуты значительные успехи. Отрадно отметить, что план девяти месяцев 1976 г. перевыполнен всеми без исключения союзными республиками и всеми общесоюзными и союзно-республиканскими промышленными министерствами. Весомый вклад в экономический потенциал страны вносят славные труженики Узбекистана. Свидетельством этому служит тот факт, что за рассматриваемый период план реализации промышленной продукции в республике был выполнен на 103,7%. Это самый высокий процент выполнения среди всех союзных республик.

Руководствуясь курсом партии на повышение материального и культурного уровня жизни советских людей, коллективы многих предприятий, отраслей, производящих товары народного потребления, обращают серьезное внимание на расширение их ассортимента и улучшение качества. Увеличился выпуск одежды и обуви новых моделей, отвечающих современным направлениям моды, расширился и обновился ассортимент изделий для детей и подростков и т. д.

Наряду с этим в деятельности многих хозяйственных органов имеются существенные упущения и недостатки. Например, предприятия легкой промышленности нередко обеспечивают выполнение плана производства лишь в денежном выражении, причем за счет выпуска более дорогих товаров, в ущерб заказам потребителей по ассортименту. Предприятия легкой промышленности СССР только в первом полугодии 1976 г. недопоставили 32 млн. м ситца, 32,7 млн. м бельевых тканей, значительное количество сатина. При этом госторгинспекции министерств торговли союзных республик в первом полугодии текущего года 296 раз приостанавливали приемку товаров от предприятий легкой промышленности из-за низкого качества их изделий. За рассматриваемый период эти же организации забраковали 17,8% кожаной обуви, подвергнутой проверке. Все это наносит колоссальный экономический ущерб народному хозяйству.

На многих предприятиях и стройках Узбекистана недостаточно используются резервы роста производительности труда, велики внутрисменные потери рабочего времени, часты прогулы. Особенно неблагоприятно обстоит дело с механизацией тяжелого ручного труда; все еще высок удельный вес вспомогательных рабочих, а в некоторых отраслях он даже увеличивается. В результате многие предприятия не обеспечивают выполнения планов по производительности труда. Так, в I квартале текущего года их количество составило 37, а во II—97. По Минхлопкопрому число таких предприятий возросло на 18, по Минстройматериалов и Минмясомолпрому — на 14.

В первом полугодии 1976 г. отдельные предприятия 18 министерств и ведомств республики не выполнили заданий по внедрению новой техники. Так, по Минпищепрому не выполнено 5 из предусмотренных планом 16 мероприятий, по Минзагу — 2 из 3, по Узгвалеспрому — 2 из 7, по Минавтотрансу — 2 из 6, по Главташкентстрою — 10 из 23, по Узгвалводстрою — 3 из 9 и т. д. Многие из них не выполнили плана внедрения новой техники и в девятой пятилетке.

Очень серьезные недостатки в этой области наблюдаются в строительстве. Ныне на стройках республики 130 тыс. человек заняты ручным, а более половины из них — тяжелым физическим трудом. Медленно идет процесс механизации и автоматизации производства, особенно на земляных, отделочных и вспомогательных операциях. На многих стройках допускается неоправданное распыление сил и средств, что отрицательно сказывается на сроках, темпах и качестве строительства.

Слабо распространяется передовой опыт лучших предприятий республики и страны по внедрению новой техники и технологии, повышению производительности и совершенствованию организации труда. Средства массовой информации все еще недостаточно пропагандируют передовые методы труда, не оказывают действенной помощи во внедрении их в производство.

В. И. Ленин указывал: «Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше»⁴. Это указание великого вождя должно быть непреложным законом в устранении имеющихся недостатков во всех сферах нашей действительности. Л. И. Брежнев в речи в Алма-Ате, последовательно раскрыв пути и методы устранения недостатков и определив магистральное направление развития экономики нашей страны, подчеркнул: «Собственно, в любом из перечисленных мною случаев можно найти объективные причины. Но от этого никому не легче. На то мы и коммунисты, чтобы активной, целеустремленной деятельностью, напряженным трудом преодолеть объективные трудности, выполнять намеченные планы. Так поставил вопрос XXV съезд партии, так мы и должны действовать — и в большом и в малом»⁵.

Л. И. Брежнев в указанной речи сделал главный упор на интенсивное развитие сельского хозяйства страны, эффективность аграрной политики партии в деревне. Подытоживая титаническую работу партии в этом направлении, Леонид Ильич подчеркнул: «В достигнутых результатах как бы суммируется нынешняя политика партии в деревне, в них зримо видишь роль и отдачу каждого ее звена — мелиорацию, химизацию, механизацию, специализацию и концентрацию производства на базе межхозяйственного и агропромышленного кооперирования»⁶. При этом подробно определены пути повышения эффективности важнейших отраслей зернового хозяйства и животноводства.

Чувство законной гордости вызывает высокая оценка, данная Л. И. Брежневым результатам плодотворной организаторской и политической деятельности партийной организации Узбекистана и успехам тружеников села в повышении продуктивности кукурузы: «Еще несколько лет назад колхозы и совхозы Казахстана получали с гектара на 10—12 центнеров больше, чем в Узбекистане. В прошлом году в Узбекистане вырастили по 54,2 центнера с гектара, то есть на 18 центнеров зерна больше, чем в вашей республике. Думаю, что вам из этого следует сделать надлежащие выводы»⁷.

Л. И. Брежнев выдвинул ответственные задачи по дальнейшему развитию сельского хозяйства страны и повышению его эффективности. Надо сказать, что в этом направлении в нашей республике проводятся крупные мероприятия.

Как известно, XIX съезд Компартии Узбекистана предусмотрел довести в 1980 г. производство хлопка-сырца по республике до 6 млн. т. В нынешнем году труженики Узбекистана полны решимости дать Родине не менее 5300 тыс. т «белого золота». На II Пленуме ЦК КПУз с докладом «О задачах партийной организации республики по дальнейшему развитию хлопководства в свете решений XXV съезда КПСС» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов. Он отметил основные направления развития этой отрасли и конкретные пути достижения новых рубежей. Так, в 1980 г. предусмотрено расширение посевных площадей под хлопчатни-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 392.

⁵ Коммунист, 1976, № 13, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 8.

ком до 1,8 млн. га, главным образом за счет освоения земель Каршинской степи, которая станет новым крупным хлопководческим районом.

В наращивании экономического потенциала страны особое место принадлежит достижениям научно-технического прогресса. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» особо подчеркивается: «На более высокий уровень поднялась советская наука. Успешное развитие фундаментальных и прикладных исследований способствовало решению важнейших народнохозяйственных проблем, позволило добиться новых выдающихся достижений в различных областях науки и техники, в освоении космического пространства»⁸.

В этих свершениях есть и весомый вклад ученых Узбекистана. Так, за минувшую пятилетку сумма экономического эффекта от внедрения результатов исследований только научных подразделений АН УзССР превысила 1 млрд. руб. Придавая первостепенное значение роли науки в коммунистическом строительстве, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством»⁹.

В этом важном директивном документе выдвинуты большие задачи и в области экономики и организации сельскохозяйственного строительства, предусматривающие разработку и экономическое обоснование рациональных форм межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции, оптимальных уровней концентрации специализированного производства, основных направлений планомерного и пропорционального развития сельского хозяйства в сочетании с другими отраслями агропромышленного комплекса, а также разработку ряда крупных мероприятий по дальнейшему повышению экономической эффективности и совершенствованию методов планового управления сельскохозяйственным производством.

Следует отметить, что ЦК КПУз проводит большие мероприятия в указанном направлении. Еще в 1974 г. XVI Пленум ЦК Компартии Узбекистана, рассмотрев этот вопрос, рекомендовал хозяйствам повысить уровень специализации и концентрации. В результате в республике созданы государственные предприятия на индустриальной основе — животноводческие комплексы мясного и молочного направления, откормочные хозяйства системы «Узглавзаготживпром», которая объединяет 165 предприятий: 3 промышленных животноводческих комплекса, 20 животноводческих совхозов, 20 откормочных пунктов, 89 районных контор по заготовке скота, 8 контор по пищевым отходам, 12 областных трестов и др.¹⁰ А в 41 хлопководческом колхозе и совхозе уже построены молочные комплексы, которые работают с большой отдачей.

В материалах XXV съезда КПСС подчеркивается: «Основной задачей советской науки является дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и общества, повышение ее вклада в решение актуальных проблем строительства материально-технической базы коммунизма, ускорения научно-технического прогресса и роста эффективности производства, повышения благосостояния и культуры народа, формирования коммунистического мировоззрения трудящихся»¹¹.

Стратегия КПСС, определенная XXV съездом партии, требует концентрации усилий ученых, специалистов народного хозяйства и плановых

⁸ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 162.

⁹ Правда, 10 сентября 1976 г.

¹⁰ Коммунист Узбекистана, 1976, № 9, стр. 32.

¹¹ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 213.

органов на разработке важнейших региональных социально-экономических проблем развития экономики в едином народнохозяйственном комплексе страны.

На XIX съезде Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов говорил: «Перед Академией наук, руководителями и партийными организациями научно-исследовательских учреждений и вузов, конструкторских бюро и опытных производств стоит задача — усилить внимание ученых к разработке актуальных вопросов дальнейшего подъема промышленности, сельского хозяйства, освоения новых земель, их мелиорации и ирригации, использования природных богатств»¹². В последнее время в республике был осуществлен ряд действенных мер, направленных на повышение эффективности научных исследований и ускорение внедрения их результатов в народное хозяйство.

В речи на годовичном собрании АН УзССР Ш. Р. Рашидов, конкретизируя задачи ученых республики в свете решений XXV съезда КПСС, отметил: «Достойное место в планах ученых должны занять исследования, направленные на разработку способов и средств, позволяющих с минимальными затратами осуществить интенсификацию существующих производств, получать на них существенно больше продукции и притом значительно более высокого качества, чем сейчас»¹³.

В свете этих задач ученые республики призваны в широком плане вести исследование для решения следующих важных народнохозяйственных проблем:

- эффективного использования трудовых ресурсов и повышения производительности общественного труда;
- дальнейшего наращивания экономического потенциала и повышения темпов развития отраслей промышленности и сельского хозяйства, особенно хлопководства;
- повышения эффективности и качества во всех звеньях народного хозяйства;
- определения эффективности и социально-экономических последствий переброски части стоков сибирских рек в Среднюю Азию;
- совершенствования территориальных пропорций и усиления экономических связей со всеми братскими союзными республиками;
- создания максимума условий населения для работы и отдыха;
- выявления эффективности новых форм организации общественного производства в ведущих отраслях экономики, в первую очередь сельского хозяйства;
- совершенствования планирования подготовки рабочих кадров для всех звеньев народного хозяйства;
- повышения эффективности использования природных сырьевых ресурсов;
- совершенствования отраслевой структуры наук, планирования и финансирования научных исследований.

Актуальность указанных проблем становится еще более очевидной в свете речи Л. И. Брежнева в Алма-Ате и документов октябрьского Пленума ЦК КПСС 1976 г. Претворение в жизнь содержащихся в них положений сыграет огромную роль в дальнейшем увеличении экономического потенциала и повышении качественных показателей во всех звеньях народного хозяйства страны, в том числе Узбекистана.

¹² Ш. Р. Рашидов. Отчетный доклад ЦК КП Узбекистана XIX съезду Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1976, стр. 54.

¹³ Правда Востока, 30 апреля 1976 г.

П. Х. НАСЫРОВ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЫЧАГОВ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА*

В совершенствовании хозяйственного механизма развитого социалистического общества большое значение имеет использование экономических рычагов. Цели и средства совершенствования их использования в современный период определены в решениях XXIV и XXV съездов КПСС. За годы девятой пятилетки в этом направлении достигнуты значительные результаты. «Теперь, когда накоплен немалый опыт, когда лучше обозначились направления, по которым нужно двигаться вперед, мы можем и должны ускорить перестройку хозяйственного механизма», — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии¹.

Определяя хозяйственный механизм как способ организации общественного производства со свойственными ему формами и методами, экономическими рычагами и стимулами, правовыми нормами, следует подчеркнуть исключительную роль информационного аспекта этой проблемы. В условиях, когда «решающим звеном становится организация, то есть дальнейшее совершенствование управления экономикой в самом широком смысле слова»², информационная обеспеченность хозяйственного механизма становится актуальнейшей экономической проблемой.

Десятая пятилетка — новый важный этап коммунистического строительства в нашей стране — предъявляет особые требования к экономической информации. Она нужна и вообще объективно существует лишь постольку, поскольку обеспечивает организацию общественного производства. Экономическая информация — это все, что делает возможным нормальное функционирование хозяйственного механизма, это достоверные сведения об объектах, среде, действиях, целях и способах их достижения. Если имеющиеся сведения не обладают должной достоверностью, то они представляют собой не информацию, а так называемые «шумы», отклоняющиеся от правильного решения управленческой задачи.

Здесь мы остановимся на некоторых актуальных вопросах совершенствования информационной обеспеченности хозяйственного механизма, в частности экономических рычагов и стимулов.

В решениях XXV съезда КПСС указано, что важнейшее направление последовательной перестройки хозяйственного механизма — совершенствование экономических рычагов и стимулов: хозяйственного расчета, прибыли, цены, премии³.

Теоретическую, методическую и практическую основу более умелого использования всей системы экономических рычагов и стимулов обеспе-

* Печатается в порядке обсуждения.

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, стр. 58.

² Там же.

³ Там же, стр. 60.

чивает определение места и роли плановых цен в функционировании хозяйственного механизма. В более широком смысле слова можно сказать, что обеспечение хозяйственного механизма достоверной экономической информацией выступает определяющим направлением дальнейшего совершенствования использования всей системы экономических рычагов и стимулов.

В чем же конкретно выражается роль и значение плановых цен как информационной базы функционирования хозяйственного механизма и, далее, как концентрированного выражения системы экономических рычагов и стимулов?

Цена — это прежде всего важное средство планирования народного хозяйства, сфер и отраслей материального производства. В условиях динамического развития экономики, при наличии сотен отраслей, тысяч производств, миллионов отдельных видов продуктов, только через цены можно обеспечить процесс эффективного планирования на всех уровнях народного хозяйства. Только через цены можно определить темпы роста, пропорции и отраслевую структуру народного хозяйства, количественное разделение общественного производства на сферы, отрасли и группы.

Все важнейшие показатели плана развития народного хозяйства (совокупный общественный продукт, национальный доход, продукция промышленности и сельского хозяйства, объем капитальных вложений, стоимость основных производственных фондов, розничный товарооборот, общественные фонды потребления, денежные доходы населения, объем экспорта и импорта и др.), министерств и предприятий (объем производства, прибыль, себестоимость, рентабельность, фондоотдача и т. д.) могут быть определены только через цены. Точно так же и реальные доходы на душу населения, заработная плата, производительность труда могут определяться лишь посредством цен.

Важнейшие направления экономической стратегии партии — повышение эффективности и качества производства, сбалансированное развитие экономики, ускорение темпов научно-технического прогресса — прямо и непосредственно связаны с проблемой цен. Только через цены можно определить количественный критерий эффективности общественного производства, капитальных вложений и новой техники.

Дальнейшее совершенствование экономических методов управления предопределяется опять-таки ценами, ибо управление есть информационный процесс, т. е. процесс принятия, обработки и передачи информации, а также обратной связи. В масштабе народного хозяйства в целом и на уровне отраслей лишь цены могут выполнять роль соответствующей информации на всех четырех стадиях экономического управления.

Вся система хозяйственного расчета, дальнейшего совершенствования которого партия и правительство уделяют неослабное внимание, тесно связана с категорией цены. Хозрасчет, как известно, основан на стоимостном возмещении расходов собственными доходами, т. е. весь процесс функционирования хозрасчета отражается через цены.

Очевидно, что роль плановых цен как информационной базы хозяйственного механизма не ограничивается указанными качественными характеристиками. Но на наш взгляд, и этих примеров достаточно для вывода о том, что плановые цены выступают связующим узлом системы управления и планирования в целом и пронизывают весь хозяйственный механизм. Именно поэтому наша партия рассматривает цены как мощный рычаг экономического управления в руках социалистического государства⁴.

⁴ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 172—173.

За годы Советской власти в нашей стране сложилась научно обоснованная система плановых цен. Особую роль в этом процессе сыграли мартовский (1964) и сентябрьский (1965) Пленумы ЦК КПСС, XXIII—XXV съезды нашей партии. В решениях, принятых на этих исторических форумах, определены стратегические направления совершенствования плановых цен и тем самым — всего комплекса экономических рычагов и стимулов, финансовой и бюджетной системы.

В целях реализации решений партии в 1966—1967 гг. была проведена реформа оптовых и частично закупочных цен, а также транспортных тарифов. Эти меры позволили успешно решать задачи новой системы планирования и экономического стимулирования.

Но жизнь не стоит на месте. «К экономическому потенциалу, на создание которого ушло почти полвека, мы смогли добавить равный ему всего за десять лет. Такова могучая поступь развитого социалистического общества. Таковы масштабы наших свершений»⁵. За эти годы ускорились темпы научно-технического прогресса, развились и усложнились производственно-экономические связи в народном хозяйстве. Все это не может не выдвигать новые требования к совершенствованию экономической информации с позиций дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма.

В условиях бурно развивающейся экономики развитого социализма важнейшим фактором роста эффективности производства и улучшения качества продукции выступает степень совершенства системы управления и планирования. Этот фактор, охватывающий весь комплекс директивно утверждаемых и планируемых общественных нормативов и показателей, является основным. И от соответствия его сложившемуся уровню развития производительных сил во многом зависит решение стратегических задач нашей партии. Эффективность и качество, стало быть, предопределяются прежде всего «сверху» — системой управления и планирования.

Рассматривая эффективность и качество производства «снизу» — в отраслевом (предприятие, объединение, отрасль) и региональном аспектах, — мы замечаем, что основой их повышения служит действенный хозрасчет, способный стимулировать планируемое развитие. Мощный фактор повышения эффективности и качества производства — растущая инициатива масс, поддерживаемая и подкрепляемая моральными и материальными стимулами, что обеспечивается четко отлаженными инструментами хозрасчета (прибыль, рентабельность, фондоотдача, себестоимость, премии и т. д.), которые в конечном счете предопределяются ценами.

В ценах, таким образом, находит свое отражение вся система экономических инструментов и стимулов, а потому, когда речь идет об экономической информации, то имеются в виду прежде всего плановые цены.

В чем же выражается проблема совершенствования экономической информации, рычагов и стимулов с позиций повышения эффективности и качества производства «сверху» и «снизу»?

Для правильной постановки и эффективного использования цен в роли основной информационной базы хозяйственного механизма необходимо прежде всего принятие таких цен, которые верно отражают измеряемые величины. «Точно считать и эффективно использовать каждый рубль...—это наш высокий партийный долг»⁶, ибо, если цены не отражают действительной величины затрат и результатов, то и экономиче-

⁵ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 36.

⁶ Там же, стр. 45.

ские расчеты становятся недостаточно надежными, а это, в свою очередь, способствует принятию субъективных решений.

Плановая цена есть форма стоимости, а потому величина ее должна выражать реальный объем затрат и результатов в полной мере, что обеспечивает всемерный рост эффективности общественного производства и повышения качества продукции «сверху» — через выбор наиболее целесообразных направлений развития, размещения производства и т. п.

Народнохозяйственный аспект совершенствования экономической информации заключается прежде всего в выяснении соотношения себестоимости и цен. Казалось бы, что в этом сложного и нового? Однако роль и место себестоимости в формировании цен не так просто установить и регулировать. Совершенствование цен с позиций народного хозяйства в целом предполагает их соответствие реальным затратам и результатам, что требует, в свою очередь, определения базы для самой себестоимости.

В условиях ускоренного роста экономического потенциала страны, при наличии развитых товарно-денежных отношений и централизованного руководства народным хозяйством первоначально задается цена, а не себестоимость. Процесс ценообразования протекает на уровне хозяйства, цены формируются «сверху», в планомерном порядке и корректируются «снизу», через изменения эффективности «индивидуальных» производств.

Ориентирование цен поэтому следует осуществлять на уровень замыкающих предприятий, а не на среднеотраслевую себестоимость, ибо в последнем случае предполагается и допускается нерентабельное производство, что противоречит самим основам планомерности и порождает ряд противоречий в условиях хозяйственной реформы.

Очевидно, что ориентирование цен на затраты замыкающих предприятий приведет к росту себестоимости и отразится на хозрасчетных интересах производителей; возникнет проблема обеспечения соответствия народнохозяйственных и отраслевых экономических интересов. Придется повысить цены на эти продукты. Уменьшатся ли при этом доходы государственного бюджета? Очевидно, нет. В данном случае речь идет о чисто перераспределительных процессах, осуществляемых в обратном направлении, т. е. речь идет не о перераспределении стоимости через ценовой механизм, а о воссоздании ее путем соединения перераспределенных частей стоимости. При этом очень важно отметить, что реальные затраты и результаты народного хозяйства выражаются не формальными, ценовыми показателями, а действительными, материально-вещественными затратами и результатами. Поэтому, учтем мы их через цены или нет, они сохраняют свою реальность, не увеличиваясь и не уменьшаясь.

Народнохозяйственный аспект совершенствования системы экономической информации заключается, таким образом, в обеспечении полного отражения реальных затрат и результатов, т. е. соответствия цен общественно необходимым затратам труда.

Что касается регионального и отраслевого аспектов совершенствования экономической информации, то они состоят, на наш взгляд, прежде всего в обеспечении условий расширенного воспроизводства через механизм цен и реализации стимулирующей их функции. Наиболее сложный аспект этой проблемы — достижение синхронности народнохозяйственного и локального экономических стимулов развития (совпадение общественных, коллективных и личных экономических интересов).

Если подходить к проблеме с отраслевых позиций, в аспекте развития хозрасчета, то сложившаяся система оптовых цен вполне приемлема и

эффективна. С позиций же народного хозяйства в целом эта система не вскрывает в полной мере реальный процесс воспроизводства и не обеспечивает весь комплекс условий для существенного повышения эффективности общественного производства.

В силу исторически сложившихся обстоятельств, действующая система цен ориентирована преимущественно на бесперебойное функционирование механизма экономического управления на уровне предприятий, в лучшем случае — их объединений. Такой подход к хозяйственному механизму не может не породить, как нам представляется, определенных противоречий между народнохозяйственным и локальными экономическими стимулами повышения эффективности и качества производства.

Ценовые соотношения выступают реальным фактором развития производства, обуславливающим уровень затрат и результатов в динамике, с опаздыванием во времени, но в каждый момент времени и пространства (статическое состояние) уровень реальных затрат и результатов не зависит от цен.

Задача, стало быть, заключается в построении таких соотношений цен, которые в максимально возможной степени совпадают с выражаемыми величинами и через это обязательное условие «настраиваются и вживаются» в механизм экономического управления отраслью и его иерархическими подразделениями. Такая система цен обеспечит синхронное развитие отрасли и народного хозяйства в целом.

Совершенствование информационной обеспеченности хозяйственного механизма и дальнейшее развитие экономических рычагов и стимулов во многом связаны с проблемой функций плановых цен. Эта проблема весьма сложна и многогранна, и однозначное решение ее представляется делом будущего. Но уже теперь, в свете решений XXV съезда КПСС, необходима постановка вопроса о существенном улучшении практики их реализации. В этом аспекте порой допускается выпячивание какой-либо одной функции, а в результате не совсем эффективно используются отдельные из них.

Перераспределительная, стимулирующая и компенсирующая функции цен внутренне присущи этой категории. Вместе с тем функции цен, за исключением общественно-учетной, не имеют, на наш взгляд, самостоятельного значения. Более того, перераспределительная функция есть следствие, результат реализации стимулирующей и компенсирующей функций плановых цен.

Функции цен выступают как субординированная система. При этом общественно-учетная функция выступает ведущей и регулирующей по отношению к остальным.

Перераспределительная функция является, во всяком случае должна быть, «побочной». Если характеризовать ее в качестве самостоятельной, а не вторичной по отношению к стимулирующей и компенсирующей функциям, тогда последние следует признать побочными. Ибо выделение перераспределительной функции в качестве самостоятельной и практическая реализация ее в большинстве случаев порождают стимулирование производства тех или иных видов продукции, а стимулирование это зачастую оказывается стихийным и, следовательно, противоречащим целям и задачам повышения эффективности и качества производства.

Стимулирование производства, повышения качества продукции, внедрения новой техники, технологии, организации и т. д. может осуществляться сознательно, в планомерном порядке, а следовательно, и перераспределение в этом случае носит планомерный характер. Но чрезмерное усиление роли перераспределительной функции и практическая

ее реализация, как правило, вызывают стимулирование тех видов продуктов или технико-экономических мероприятий, которые могут оказаться и «внеплановыми». Такие явления нередки в практике многих отраслей народного хозяйства и известны под названием «выгодных и невыгодных» продуктов или мероприятий по повышению эффективности и качества продукции.

Чтобы не быть голословными, сошлемся на характерный пример, когда неверная реализация перераспределительной функции цен приводит к парадоксальным последствиям. В силу сложившихся соотношений цен на технические семена хлопчатника и хлопковое масло, предприятия масложировой промышленности экономически заинтересованы в переработке семян низких сортов, ибо это обеспечивает низкую себестоимость производства и, следовательно, более высокую прибыль. Эти и иные факты несовпадения народнохозяйственного и локальных экономических стимулов развития, заданий плана и «целей» хозрасчета во многом вызваны чрезмерным усилением перераспределительной функции плановых цен.

Таким образом, использование цены в качестве информационной базы хозяйственного механизма, ее роль и место в системе экономических рычагов и стимулов повышения эффективности и качества производства выражаются в том, что цена выступает общественным нормативом, критерием и ориентиром в определении тактических задач направления развития.

Через механизм стимулирования и компенсирования спроса и предложения, вследствие чего происходит перераспределение чистого дохода между отраслями, реализуется функция общественного норматива, что означает создание условий, при которых цены играют роль экономической информации и концентрированной формы экономических рычагов и инструментов в строгом смысле и, как это подчеркивается в решениях XXV съезда КПСС, в наиболее действенном виде.

Бесспорно, что совершенствование цен в указанных направлениях — не единовременный акт, а комплекс мероприятий, охватывающий все звенья хозяйственного механизма. Вполне возможно, что отдельные наши положения могут встретить несогласие со стороны ученых и практиков. Это естественно, ибо задачи, поставленные XXV съездом КПСС, вытекают из стратегии партии в области существенной перестройки хозяйственного механизма, рассчитанной, как известно, на длительный период.

Сложность проблемы требует, как подчеркнул Л. И. Брежнев, глубокого и всестороннего изучения ее. «Но если уж мы... поняли, что непрерывно развивающемуся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма, то его надо решительно совершенствовать»⁷.

Всестороннее исследование поставленных и других проблем с доведением их до практически реализуемых рекомендаций, требующее коллективных усилий специалистов различного профиля, позволит совершенствовать экономическую информацию, улучшить хозяйственный механизм, усилить воздействие экономических рычагов и стимулов на всемерный рост эффективности общественного производства и улучшение качества продукции, сделать новый крупный шаг в реализации основного экономического закона социализма — максимальном удовлетворении растущих материальных и духовных запросов советского народа.

⁷ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 61.

Д. КУРБАНОВА

ЗАБОТА ПАРТИИ О ПОДГОТОВКЕ МЕХАНИЗАТОРСКИХ КАДРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

Как известно, после мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС сельское хозяйство нашей страны прочно встало на путь неуклонного подъема. Динамичное развитие сельскохозяйственного производства требовало форсированного перевода его на индустриальные основы. Позтому КПСС и Советское государство усилили внимание к вопросам обеспечения колхозов и совхозов мощной современной техникой и квалифицированными кадрами механизаторов.

В докладе на мартовском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «одним из решающих условий роста сельскохозяйственного производства является обеспечение его высококвалифицированными кадрами механизаторов, инженеров, техников. В совхозах и колхозах давно и справедливо считают, что механизатор — центральная фигура на селе. От хорошей работы этих людей, по существу, зависит урожайность, валовые сборы, рост доходов хозяйств, благосостояние колхозников и работников совхозов»¹.

XXIII съезд КПСС одобрил систему мероприятий, выработанных мартовским Пленумом, подчеркнув, что «без постоянного насыщения сельского хозяйства техникой, кардинального решения вопросов ее ремонта и обслуживания, улучшения дела подготовки механизаторских кадров самых разнообразных квалификаций нельзя в нынешних условиях успешно решить задачу подъема сельскохозяйственного производства»².

Сила и жизненность современной аграрной политики партии, намеченной мартовским Пленумом и получившей дальнейшее развитие в решениях XXIII—XXV съездов КПСС, ярко видны на примере сельского хозяйства Советского Узбекистана. Благодаря усилиям партийных, советских, хозяйственных организаций и всех трудящихся республики, при повседневной помощи ЦК КПСС и Советского правительства в Узбекистане за последнее десятилетие достигнуты крупные успехи в развитии колхозного и совхозного производства на базе его всесторонней интенсификации.

Если в годы восьмой пятилетки ассигнования государства и колхозов УзССР в сельскохозяйственное производство республики составили 3330 млн. руб., то в девятой пятилетке они возросли почти до 7 млрд. руб. За последние две пятилетки колхозы и совхозы Узбекистана получили 166 тыс. тракторов разных марок, свыше 40 тыс. хлопкоуборочных машин и большое количество другой техники. Значительные успехи достигнуты в области ирригации и мелиорации, химизации и электри-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, М., 1970, стр. 84.

² Там же, стр. 67.

фикации сельского хозяйства республики. Так, общее потребление электроэнергии в сельском хозяйстве УзССР возросло с 1,9 млрд. квт-ч в 1971 г. до 4,5 млрд. квт-ч в 1975 г.

За период после мартовского Пленума колхозы и совхозы Узбекистана вырастили и продали государству более 45 170 тыс. т хлопка-сырца и много другой сельскохозяйственной продукции. Эти успехи во многом обеспечены широким внедрением современной сельскохозяйственной техники и самоотверженным трудом сельских механизаторов.

Л. И. Брежнев указывал, что «современное производство предъявляет быстрорастущие требования не к одним лишь машинам, технике, но и прежде всего к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет. Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников»³.

Повышение общеобразовательного уровня сельского населения, расширение производственного профиля сельского труженика, рост его квалификации оказывают прямое влияние на ускорение темпов технического прогресса в сельском хозяйстве. Растущие кадры механизаторов стали ведущей силой сельскохозяйственного производства. За 1965—1975 гг. число механизаторов в колхозах и совхозах УзССР увеличилось с 128,7 до 185,1 тыс. человек.

ЦК КПУз, местные партийные, советские, хозяйственные организации уделяют постоянное внимание укреплению сельского хозяйства механизаторскими кадрами. Ш. Р. Рашидов, выступая на майском (1976) Пленуме ЦК Компартии Узбекистана, еще раз подчеркнул, что «самой важной, самой ответственной из всех наших больших задач является дальнейший подъем хлопководства... Решающая роль теперь принадлежит механизаторам. Они выполняют около 75 процентов от общего объема работ в хлопководстве»⁴.

В республике практикуются различные формы подготовки механизаторских кадров. Она осуществляется через сельские профессионально-технические училища (СПТУ), на курсах при районных отделениях «Узсельхозтехники», колхозах и совхозах, в сельских общеобразовательных школах, а также путем индивидуального обучения кадров без отрыва от производства с помощью опытных механизаторов. Практика показала, что лучшая форма подготовки этих кадров—СПТУ, располагающие высококвалифицированными преподавателями, мастерами, хорошо оборудованными учебными кабинетами. Развитие СПТУ, которые все шире входят в систему учебных заведений на селе, отвечает растущим потребностям современного сельскохозяйственного производства в механизаторских кадрах.

В 1966 г. 36 СПТУ УзССР выпустили 10,4 тыс. специалистов по 10 профессиям, необходимым для сельского хозяйства. В 1970 г. 40 СПТУ дали колхозам и совхозам республики 19,7 тыс. специалистов 21 профессии, из них 13 018 человек — трактористы, механики-водители хлопкоуборочных машин. А в 1975 г. 114 СПТУ Узбекистана подготовили по 25 профессиям более 40 тыс. человек, в том числе свыше 27 тыс. комбайнеров, трактористов, водителей хлопкоуборочных машин. В целом за десять лет в системе СПТУ республики подготовлено 202,7 тыс. специалистов сельского хозяйства. В нынешнем году намечено организовать еще не менее 14 СПТУ⁵.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, М., 1973, стр. 238—239.

⁴ Правда Востока, 11 мая 1976 г.

⁵ Текущий архив ГК по ПТО УзССР. Основные показатели развития ПТО в УзССР в 1975 г., Ташкент, 1976, стр. 21.

В ряды сельских механизаторов все больше вовлекаются девушки местных национальностей. В соответствии с указаниями партийных и советских органов, при активной помощи комсомола в ряде СПТУ организовано массовое обучение водителей хлопкоуборочных машин из девушек-узбечек. Только за 1966—1970 гг. СПТУ республики окончили 3938 девушек местной национальности.

Подготовка кадров из женской молодежи осуществляется и на краткосрочных курсах при райобъединениях «Узсельхозтехники». Только в 1969—1970 гг. там прошли подготовку и переподготовку 78 500 механизаторов⁶, из них около 4 тыс. девушек овладели мастерством работы на хлопкоуборочных машинах⁷.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов в статье «Высокие рубежи хлопкоробов»⁸ с удовлетворением отмечал: «В этом году профессией механика-водителя овладело значительно больше женщин, чем в предыдущие. Образцы высокопроизводительного использования хлопкоуборочных машин показали на уборке урожая последовательницы нашего прославленного механизатора Турсунной Ахуновой — Чиннихол Худоярова, Светлана Продан, Мукаррам Курбанова, Зухра Хасанова, Изолат Базарова, Матлюба Абдуллаева, Махсума Давлятова, Майлихон Гулямнабиева, Халима Хашимова, Сапаргуль Якубова и другие».

Вопросам дальнейшего развития профессионально-технического образования в свете решений XXV съезда КПСС было посвящено состоявшееся 13 мая 1976 г. в Ташкенте собрание партийно-хозяйственного актива⁹. Оно уделило много внимания и проблемам подготовки механизаторских кадров для села.

Особого внимания заслуживают филиалы профтехучилищ, организованные в колхозах и совхозах. Весьма важное значение имеют подготовка и переподготовка механизаторских кадров на местах, в самих колхозах и совхозах. Однако краткосрочные курсы трактористов, организуемые в колхозе или совхозе, как показывает практика, не всегда еще дают знания и навыки, которые необходимы механизатору наших дней. Во-первых, очень короток срок обучения; во-вторых, не в каждом хозяйстве имеются опытные преподаватели, хорошо оснащенные кабинеты и т. д. Кроме того, в одном колхозе или совхозе трудно набрать необходимое количество курсантов. Поэтому назрела проблема организации межхозяйственных филиалов СПТУ. Надо усилить внимание к вопросам строительства сельских профтехучилищ и оснащения их современными техническими средствами за счет передовых хозяйств.

В обеспечении сельского хозяйства кадрами механизаторов исключительно велика роль сельских общеобразовательных школ. XXIII съезд КПСС особо подчеркнул, что «советская школа должна развиваться как общеобразовательная, трудовая, политехническая»¹⁰.

II Пленум ЦК ВЛКСМ (1970) рекомендовал комсомольским комитетам хозяйств «развернуть среди комсомольцев-старшеклассников движение за овладение профессией тракториста-машиниста, закреплять выпускников школ, получивших профессию механизатора, в сельскохозяйственном производстве»¹¹.

⁶ Текущий архив ГК по ПТО УзССР.

⁷ ПА УзФИМЛ, ф. 15, оп. 35, л. 3, л. 31; журн. «Хлопководство», 1974, № 1, стр. 3.

⁸ Правда, 21 ноября 1973 г.

⁹ Правда Востока, 14 мая 1976 г.

¹⁰ XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. I, М., 1966, стр. 80.

¹¹ Комсомольская правда, 19 июля 1970 г.

Активные формы подготовки молодежи к сельскохозяйственному труду практикуются многими педагогическими коллективами и партийными организациями школ. Например, в 1970 г. только в пяти сельских общеобразовательных школах Самаркандской области специальностью тракториста овладели 576 человек, в том числе 186 девушек. 130 выпускников школ вместе с аттестатами зрелости получили и удостоверения водителей хлопкоуборочных машин. Всего в Самаркандской области создано 148 ученических хлопководческих бригад, объединявших 3468 учащихся¹².

Полезный опыт подготовки механизаторов из старшеклассников общеобразовательных школ накоплен партийной организацией совхоза им. Я. Худайбердиева Наманганской области. На базе средней школы № 72 им. В. Маяковского было организовано обучение девушек вожждению хлопкоуборочной машины. Партийная организация совхоза, коллектив школы и СПТУ № 13 создали необходимые условия для успешного сочетания учебы в общеобразовательной школе с занятиями на курсах механизации. В 1969 г. 33 девушки этого совхоза вместе с аттестатом зрелости получили права водителя-механика. При торжественном вручении прав присутствовала прославленный механизатор республики, Герой Социалистического Труда Т. Ахунова¹³. В целом по УзССР только в 1970 г. более чем в 140 общеобразовательных сельских школах механизаторским профессиям было обучено 12 260 учеников 9—10-х классов, а в 240 школах проводилось изучение сельскохозяйственной техники¹⁴.

Высокий уровень общеобразовательной подготовки позволяет молодежи быстрее овладевать сельскохозяйственной техникой. Значительно сокращается время на получение дополнительной специальности, с большим интересом внедряются достижения науки и передовой практики, повышается творческое начало в труде, быстрее и глубже выявляются резервы улучшения организации труда и производства.

Но несмотря на все принятые меры, многие хозяйства испытывают еще острую нехватку механизаторских кадров. Если в 1965 г. в среднем на 100 тракторов в республике приходилось: в колхозах — 129, а в совхозах — 83 механизатора, то в 1975 г. — соответственно 102 и 96, хотя на повестке дня стоит повсеместный переход на 1,5—2-сменную работу сельскохозяйственных машин¹⁵. Сказываются прежде всего недостаточно продуманное планирование подготовки механизаторских кадров и высокая их текучесть. Из-за недостаточной обеспеченности техники механизаторами низок коэффициент сменности, а следовательно, и годовая выработка на трактор и уборочную машину. В 1975 г. коэффициент сменности составлял в колхозах 1,12, в совхозах — 1,09 на условный трактор¹⁶.

Для удовлетворения растущих потребностей сельского хозяйства республики, непрерывно оснащаемого новой техникой, в механизаторских кадрах в Узбекистане развернуто массовое движение комсомольцев и молодежи за механизаторский всеобуч.

В 1975 г. комсомольцы и молодежь республики проявили ценную инициативу по обучению 100 тыс. юношей и девушек профессии механизатора сельского хозяйства. Л. И. Брежнев в приветственном письме участникам съезда молодых механизаторов Узбекистана писал, что этот

¹² Комсомолец Узбекистана, 7 октября 1970 г.

¹³ ПА УзФИМЛ, ф. 15, оп. 35, д. 492, л. 10—11.

¹⁴ Совет Узбекистана, 1 сентября 1971 г.

¹⁵ Комсомолец Узбекистана, 1 июня 1975 г.

¹⁶ Механизация хлопководства, 1975, № 7, стр. 24.

«почин найдет горячую поддержку среди юношей и девушек страны, и новые десятки тысяч молодых трактористов, комбайнеров, водителей хлопкоуборочных машин, операторов животноводческих ферм, других технически грамотных специалистов вольются в главный отряд сельских механизаторов, помогут колхозам и совхозам страны добиться новых успехов в развитии сельскохозяйственного производства»¹⁷.

Воодушевленные отеческим приветствием Л. И. Брежнева, комсомольцы Узбекистана с честью сдержали свое слово. В 1975 г. свыше 120 тыс. человек получили удостоверения механизаторов различного профиля, в их числе 12 640 женщин и девушек¹⁸.

Ш. Р. Рашидов на XIX съезде КПУз сказал, что «наличие богатой и мощной техники, квалифицированных кадров широкого профиля, которых мы теперь готовим более чем 100 тысяч человек в год, дает возможность механизировать основные процессы в хлопководстве и в других отраслях»¹⁹.

В современных условиях предъявляются строгие требования к уровню квалификации трактористов-машинистов. Благодаря принятым мерам, в республике вырос качественно новый отряд сельских механизаторов, в подавляющем большинстве — классных специалистов, умело применяющих технику, передовые методы труда и прогрессивную технологию, добивающихся высокого качества работы. Многие из них владеют смежными профессиями, так что механизатор широкого профиля, совмещающий специальность тракториста, комбайнера и шофера, становится наиболее характерной фигурой в деревне.

Тем не менее проблема механизаторских кадров остается весьма острой. Особенно это касается механизаторов широкого профиля. «Этот важный участок работы,— подчеркнул Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС,—заслуживает самого пристального внимания».

XXV съезд КПСС и XIX съезд Компартии Узбекистана поставили перед руководителями колхозов и совхозов, районных сельскохозяйственных управлений большие задачи по подготовке и повышению профессионального уровня механизаторских кадров. Решение этих задач будет способствовать общему подъему эффективности сельскохозяйственного производства, увеличению его продуктивности, экономии затрат живого труда, превращению сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, преодолению существенных различий между городом и селом, росту творческого вклада сельских труженников в общее дело строительства коммунизма.

Д. Курбонова

ЎЗБЕКИСТОНДА МЕХАНИЗАТОР КАДРЛАРИ ТАЙЁРЛАШДА ПАРТИЯНИНГ ҒАМХЎРЛИГИ

Мақола кейинги ўн йилликда Ўзбекистон партия ташкилотларининг раҳбарлиги остида қилинган катта ишлар, республикамиз пахтачилик ва колхоз-совхозларининг бошқа тармоқлари учун механизатор кадрлар тайёрлаш ҳақида фикр юритилади.

¹⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5, М., 1976, стр. 306.

¹⁸ Правда Востока, 4 февраля 1976 г.

¹⁹ Сельское хозяйство Узбекистана в девятой пятилетке, Ташкент, 1976, стр. 30.

З. Р. БОВШОВЕР, А. Ш. МУХАМЕДЖАНОВ

НОВОЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Принятие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и республиканских кодексов законов о труде имеет большое значение в правовом регулировании социалистических трудовых отношений, укреплении законности, усилении защиты трудовых прав рабочих и служащих.

Высоко оценивая эти и другие важнейшие правовые акты, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС отметил, что «разработка партийными и правительственными органами и принятие Верховным Советом СССР, Верховными Советами республик законов по некоторым главным проблемам нашей жизни имеют крупное социально-политическое значение»¹.

Основы законодательства о труде создали необходимые предпосылки для дальнейшего развития и совершенствования советского трудового законодательства.

Совершенствование законодательства — постоянный процесс, органически связанный с развитием советского общества. Оно необходимо для того, чтобы наши законы наиболее адекватно отражали те процессы, которые происходят в развитом социалистическом обществе, строящем коммунизм.

«Недавно Политбюро, — отметил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду партии, — поручило соответствующим органам подготовить предложения по дальнейшему совершенствованию трудового, административного права и некоторых других законов, с тем чтобы учесть новые явления в общественной жизни»².

Во исполнение решений XXV съезда КПСС Президиум Верховного Совета СССР Указом от 13 июля 1976 г. утвердил Положение о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации, которое вводится в действие с 1 января 1977 г.

Прежнее законодательство о материальной ответственности рабочих и служащих, принятое в основном в 1929—1932 гг., уже не отвечало современным условиям и задачам охраны социалистической собственности, воспитания у работников бережного отношения к имуществу предприятия. Изменения и дополнения, внесенные после 1932 г., еще более усложнили это законодательство.

Так, перечень категорий работников, с которыми могут заключаться договоры о полной материальной ответственности, был утвержден поста-

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, стр. 81—82.

² Там же, стр. 82.

новлением НКТ СССР от 29 октября 1930 г. С 1958 г. он дополнялся Советами Министров союзных республик, союзными министерствами и ведомствами по согласованию с ВЦСПС и Госкомтрудом, а с 1967 г. — союзными и республиканскими министерствами и ведомствами по согласованию с соответствующими профсоюзными органами. Отсутствие единого перечня создавало значительные трудности, порождало ошибки. Нередко договоры заключались с работниками, с которыми они по закону не могли быть заключены, либо договоры не заключались с лицами, должности которых предусмотрены специальным перечнем. Это, в свою очередь, приводило к неправильному определению размеров материальной ответственности рабочих и служащих.

Многие вопросы, возникавшие на практике, оставались за пределами правовой регламентации, в частности условия материальной ответственности, ответственность за ценности, полученные по доверенности, определение размера ущерба и т. д. Некоторые вопросы различно решались законодательством союзных республик. Так, в РСФСР на заведующих складами полная ответственность возлагалась на основании специального закона — постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г., а в УзССР — на основании заключенного письменного договора.

Основы законодательства о труде, утвержденные в 1970 г., предусмотрели лишь в общих чертах виды ответственности и внесли существенные коррективы в порядок возмещения ущерба, а КЗоТ союзных республик, принятые после Основ, воспроизвели общесоюзное законодательство периода 1929—1932 гг.

Новое Положение, принятое в соответствии с Основами, представляет собой общесоюзный акт, подробно регламентирующий материальную ответственность рабочих и служащих. Сохраняя основные идеи прежнего законодательства, он вместе с тем содержит ряд новых положений, сложившихся на практике, проверенных многолетним опытом, соответствующих новому уровню, достигнутому нашим обществом.

Положение 1976 г. состоит из четырех разделов: 1 — общие положения; 2 — ограниченная материальная ответственность; 3 — полная материальная ответственность; 4 — определение размера ущерба и порядок его возмещения.

В первом разделе указаны цель и сфера действия Положения, условия материальной ответственности, ограничение ее размера, как правило, определенной частью заработка работника, а также способы возмещения ущерба.

Цель Положения — обеспечение бережного отношения рабочих и служащих к имуществу предприятия, организации. Это достигается возложением обязанности возместить предприятию, организации ущерб, причиненный по вине работника. При этом возмещается лишь действительный ущерб, выражающийся в уменьшении наличного имущественного комплекса предприятия. Не подлежат возмещению не полученные предприятием доходы, а равно ущерб, возникший в результате нормального производственно-хозяйственного риска.

Поскольку возмещение ущерба производится в денежной форме, Положение усилило гарантии сохранения заработной платы — основного источника дохода рабочих и служащих. Эта цель достигается путем ограничения размера ответственности определенной частью заработка и самим порядком возмещения ущерба и удержания заработной платы. Впервые в законе предусмотрено, что возмещение ущерба, если с этим согласна администрация, может состоять в передаче работником предприятию, организации равноценного имущества либо в исправлении поврежденного.

Следовательно, именно администрация решает вопрос о том, является ли имущество равноценным и возможно ли возмещение ущерба в натуре. При наличии спора между работником и администрацией возмещение ущерба допустимо в денежной форме. Это вытекает из сущности материальной ответственности рабочих и служащих, размер которой, как правило, ограничен определенной частью заработка работника.

Положение, как и прежде законодательство, устанавливает, что рабочие и служащие несут, как правило, ограниченную материальную ответственность в размере не свыше одной трети их месячной тарифной ставки (оклада). Материальная ответственность в более высоких пределах составляет исключение. К таким случаям отнесены:

1. Ответственность в размере не свыше двух третей среднего месячного заработка за порчу и уничтожение по небрежности материалов, полуфабрикатов, изделий, в том числе при их изготовлении, а также инструментов, измерительных приборов, спецодежды и других предметов, выданных предприятием в пользование работнику.

Материальная ответственность в указанном пределе наступает, если ущерб причинен: а) указанным выше (ст.6 Положения) предметам; б) по небрежности, т. е. по вине в форме неосторожности; в) порчей или уничтожением.

2. Материальная ответственность в размере не свыше среднего месячного заработка. Эту ответственность несут руководители предприятий, учреждений, организаций, их заместители, руководители структурных подразделений на предприятиях и в организациях и их заместители, если ущерб причинен излишними денежными выплатами, неправильной постановкой учета и хранения материальных или денежных ценностей, принятием необходимых мер к предотвращению простоев, выпуска недоброкачественной продукции, хищений, уничтожения и порчи материальных или денежных ценностей.

Следовательно, из смысла ст. 8 Положения вытекает, что ответственность в пределах среднемесячного заработка несут только указанные должностные лица и лишь за перечисленные выше упущения, вследствие организационной нераспорядительности. Если эти руководящие работники виновны в причинении ущерба иными действиями (порча, повреждение), то они несут материальную ответственность в размере не свыше одной трети месячного оклада, если в соответствии с законодательством на них не может быть возложена ответственность в более высоких размерах.

Прежнее законодательство (п. 2 ст. 142 КЗоТ УзССР, п. 4 Инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 г.) предусматривало ответственность в указанном пределе лиц административно-технического и административно-хозяйственного персонала. В течение длительного времени на практике возникали определенные трудности по вопросу о том, кого следует относить к указанной категории работников. Неслучайно Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 июля 1974 г.³ разъяснил, что сюда следует относить тех, кто осуществляет производственно-организационные функции по руководству трудом подчиненных работников. Указанные работники привлекались к материальной ответственности за неправильную постановку учета и хранения материалов, полуфабрикатов, изделий и имущества, выданного в пользование работников, а равно за принятие мер по борьбе с хищением, уничтожением этого имущества.

³ См. «Бюллетень Верховного суда СССР», 1975, № 4.

В условиях современного научно-технического прогресса, роста эффективности общественного производства, повышения качества продукции, усиления режима экономии неизмеримо возрастают роль и ответственность руководителей предприятий и структурных подразделений, повышаются требования к их деловым качествам.

«Современный руководитель,— подчеркнул в Отчетном докладе ЦК XXV съезду партии Л. И. Брежнев,— должен органически соединять в себе партийность с глубокой компетентностью, дисциплинированность с инициативой...»⁴

Нераспорядительность руководителей, их бесконтрольность могут привести к причинению предприятию значительного материального ущерба.

Положение 1976 г. предусматривает ответственность руководителей и их заместителей за неправильную постановку учета и хранения не только материалов, полуфабрикатов, изделий, как это было ранее, но и иных материальных или денежных ценностей, а также за выпуск брака, непредотвращение простоев и т. д.

3. Ответственность в размере не свыше трех месячных окладов несут должностные лица, виновные в увольнении или переводе работника с явным нарушением закона либо в задержке исполнения решения суда или вышестоящего в порядке подчиненности органа о восстановлении работника на работе.

Уточнены и дополнены с учетом многолетней практики основания полной материальной ответственности, в частности, когда между работником и предприятием, организацией заключен особый письменный договор. Согласно прежнему законодательству (ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г., п. 3 ст. 143 КЗоТ УзССР), письменный договор служил основанием полной ответственности работника за недостачу вверенных ему ценностей. Однако это правило не отвечало требованиям усиления защиты государственной собственности. Неслучайно судебная практика последних лет пошла по пути возложения полной ответственности не только за недостачу, но и за порчу ценностей. Это нашло свое отражение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 5 июля 1974 г. (п. 10) «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации».

Положение 1976 г. (ст. 109, п. 1) предусматривает полную ответственность за обеспечение сохранности имущества, переданного работнику для хранения или других целей, т. е. как за недостачу, так и за порчу либо повреждение имущества.

Внесены коррективы в порядок заключения договоров о полной материальной ответственности. Определен круг работников, с которыми могут заключаться эти договоры. К ним относятся лица, достигшие 18-летнего возраста, занимающие должности или выполняющие работу, непосредственно связанные с хранением, обработкой, продажей, перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей. С учетом этих условий должен быть составлен перечень категорий работников, с которыми могут заключаться письменные договоры о полной индивидуальной материальной ответственности. Порядок его утверждения определяется Советом Министров СССР. Впервые предусматривается типовая форма письменного договора. Это позволит закреплять в договорах, заключенных в различных отраслях хозяйства, наиболее важные типичные обязанности администрации и работников,

⁴ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 70.

соблюдение которых будет способствовать повышению роли договора в предотвращении ущерба, охране социалистической собственности.

В отличие от прежнего законодательства, Положение 1976 г. предусматривает в качестве основания полной ответственности получение работником ценностей под отчет по разовой доверенности и другим разовым документам. Это основание также выдвинуто практикой. Нередко ценности вверяются работнику, с которым по закону нельзя заключить договор о полной материальной ответственности. Естественно, ответственность при этом должна наступать в полном размере, независимо от того, получены ли ценности по доверенности или иным документам, а также независимо от того, причинен ли ущерб недостаточей или порчей ценностей. Если же должность, занимаемая работником (выполняемая работа), предусмотрена специальным перечнем, но с ним не был заключен письменный договор, на работника не может быть возложена полная ответственность на основании разовой доверенности или других разовых документов. Разовые документы могут служить основанием для возложения полной ответственности в тех случаях, когда не может быть применен п. 1 ст. 10 Положения. Иной вывод неизбежно приведет к поглощению его п. 2 ст. 10 Положения, а следовательно, к расширению случаев полной ответственности, что недопустимо.

Новым основанием полной материальной ответственности, предусмотренным Положением (ст. 10, п. 4), является причинение ущерба недостаточей, умышленным уничтожением или умышленной порчей материалов, полуфабрикатов, изделий (продукции), в том числе при их изготовлении, а также инструментов, измерительных приборов, спецодежды и других предметов, выданных предприятием работнику в пользование.

Прежнее законодательство (ст. 2 Инструкции НКТ СССР от 1 июня 1932 г.) предусматривало ответственность за это имущество в пятикратном размере причиненного ущерба. Установление повышенной ответственности в 1932 г. было продиктовано недостатком материалов, инструментов и другого производственного имущества, нормированием товаров, существованием карточной системы, а также двойных цен — твердых и коммерческих. В последующем, в связи с отменой карточной системы, увеличением товарных фондов, установлением единых цен, отпала необходимость в институте повышенной материальной ответственности.

Изучение судебной практики УзССР за последние 15 лет свидетельствует о том, что хотя Инструкция от 1 июня 1932 г. и не была отменена, однако повышенная ответственность за указанное имущество по существу не применялась.

Из сравнения ст. 7 с п. 4 ст. 10 Положения следует, что за порчу или уничтожение материалов, полуфабрикатов, изделий и имущества, выданного в пользование работнику, может наступать ограниченная либо полная ответственность. Ограниченная — если ущерб причинен по небрежности (неосторожная вина), полная — при наличии умышленной вины. Полная ответственность возлагается также за недостаю этих же видов имущества, независимо от формы вины. Кроме того, надо иметь в виду, что п. 4 ст. 10 применяется в случаях, когда в действиях работника не содержатся признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке. В противном случае речь может идти о применении п. 3, а не 4 ст. 10 Положения.

Впервые общесоюзным законом с учетом многолетней практики предусматривается коллективная (бригадная) ответственность. Ранее она регулировалась ведомственными приказами и распоряжениями. Положения о бригадной ответственности, действовавшие в союзных респуб-

ликах, содержали ряд особенностей, различий и вместе с тем страдали некоторыми недостатками, что создавало определенные трудности на практике. Тем не менее опыт показал, что бригадная материальная ответственность — одно из эффективных средств усиления защиты социалистической собственности, особенно в организациях торговли и общественного питания. Это обусловило необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего бригадную материальную ответственность, необходимость закрепления основных положений данного вида ответственности в общесоюзном законе.

Положение 1976 г. посвящает бригадной ответственности ст. 12. Хотя в Положении содержится отсылочная норма, тем не менее она устанавливает условия, при которых вводится эта ответственность: а) совместное выполнение рабочим или служащим отдельных видов работ; б) если работа связана с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных работникам ценностей; в) если невозможно разграничить материальную ответственность каждого работника и заключать с ним договор о полной материальной ответственности.

Бригадная материальная ответственность устанавливается администрацией предприятия, организации по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза. Кроме того, в целях унификации правового регулирования бригадной ответственности Положение 1976 г. установило, что перечень работ, при выполнении которых может вводиться эта ответственность, условия ее применения и типовой договор утверждаются Госкомтрудом совместно с ВЦСПС.

Большое внимание в Положении уделено определению размера ущерба и порядок его возмещения. Размер ущерба определяется по фактическим потерям, на основании данных бухгалтерского учета, исходя из балансовой стоимости (себестоимости) материальных ценностей за вычетом износа по установленным нормам.

При хищении, недостаче, умышленном уничтожении или умышленной порче материальных ценностей ущерб определяется по государственным розничным ценам.

На предприятиях общественного питания (на производстве и в буфетах), в комиссионной торговле размер ущерба, причиненного хищением или недостачей продукции и товаров, определяется по ценам, установленным для продажи (реализации) этой продукции и товаров.

Впервые предусмотрено, что размер возмещаемого ущерба, причиненного по вине нескольких работников, определяется для каждого из них с учетом степени вины, вида и предела материальной ответственности. Таким образом, Положение закрепляет в основном долевую ответственность. Это обусловлено ограничением, как правило, подлежащего возмещению ущерба определенной частью заработной платы работника.

Внесены некоторые дополнения и в порядок возмещения ущерба. Возмещение ущерба в размере не свыше $\frac{1}{3}$ производится, при наличии письменного согласия работника, по распоряжению администрации предприятия, учреждения путем удержания из зарплаты. Это распоряжение может быть сделано не позднее двух недель со дня обнаружения причиненного работником ущерба. При отсутствии письменного согласия работника вопрос о возмещении ущерба рассматривается по заявлению администрации народным судом.

В остальных случаях материальной ответственности возмещение ущерба производится путем предъявления администрацией иска в народный суд.

Аналогичный порядок предусмотрен Положением для возмещения ущерба, причиненного по вине руководителей и их заместителей. При этом возмещение ущерба производится по распоряжению вышестоящего в порядке подчиненности органа либо путем обращения с иском непосредственно в народный суд.

Таким образом, новое законодательство о материальной ответственности усиливает защиту социалистической собственности, содействует воспитанию бережного отношения к имуществу предприятия, укреплению трудовой дисциплины и вместе с тем повышает гарантии сохранения заработной платы рабочих и служащих.

З. Р. Бовшовер, А. Ш. Мухаммаджонов

**ИШЧИ ВА ХИЗМАТЧИЛАРНИНГ МОДДИЙ ЖАВОБГАРЛИГИНИ
ОШИРИШ ТАРТИБИДАГИ ЯНГИЛИК**

Мақолада ишчи ва хизматчиларнинг корхона, ташкилот ва муассасаларга келтирадиган зарари тўғрисидаги моддий жавобгарлиги янги Низомга кўра анализ қилинади. Автор кўрсатадики, янги Низом социалистик мулкчиликни ҳимоя қилиш гарантиясини кучайтириб, шу билан бирга ишчи ва хизматчиларни ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини кўрсатади.

М. КОШЧАНОВ

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА В УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Творческий принцип изображения человека в деянии, выдвинутый в свое время М. Горьким, вот уже более полувека выступает одним из основополагающих, кардинальных принципов литературы социалистического реализма, способствующих созданию высокоидейных и художественно совершенных произведений, которые составляют гордость нашей литературы.

Воплощение человека в деянии — духовно-эстетическая категория, несущая в себе широкий исторически детерминированный смысл. В произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса, касающихся проблем становления человека и человеческого общества, в их исследованиях, ставящих вопросы изображения человека в художественном творчестве, деяние рассматривается как первооснова развития разумного мира, а изображение человеческой деятельности в искусстве не мыслится вне труда.

В движении мировой литературы к реализму, изображению исторически обусловленного типического характера в типических обстоятельствах принцип воплощения деятельности как одной из существенных граней становления личности сыграл значительную роль. Отношение к деянию в литературе критического реализма в значительной степени определяло и позицию героя, и позицию художника; отсюда — поток порожденных общественной средой характеров «лишних людей» — личностей, поневоле бездеятельных, не имеющих возможности приложить к чему-либо свои, подчас богатырские, силы.

Лишь реализм литературы общества, где труд становится жизненно необходимым, где он определяет смысл бытия человека, его социально-нравственное лицо, — лишь социалистический реализм смог дать миру живой характер в деянии-созидании.

Главная и определяющая грань показа человека в деянии — воссоздание его в активном отношении к общественной жизни, ибо деятельность, труд, созидание — суть этой общественной жизни. Одна из важнейших особенностей социалистической литературы — создание нового типа героев — людей, живущих судьбами всего народа, даже всех народов мира, — героев, не просто озабоченных этими судьбами или сочувствующих другим, но активно вмешивающихся в жизнь, ломающих ее привычный ход, определяющих новые пути развития. В советской литературе немало произведений, где с увлечением и подлинной художественной страстью навсегда высечены глубокие характеры людей деяния, изменяющих облик бытия, поднимающих жизнь на новую ступень развития.

Именно это отличает основных героев Горького и Маяковского, Фадеева и Федина, Шолохова и А. Толстого, многих других художников слова, посвятивших себя созданию величественной галереи характеров

людей, проникнутых пафосом революционного преобразования действительности.

Наши писатели высоко поднимают и продолжают эти славные традиции своих наставников. История литератур народов СССР дает немало образцов подобных живых, полнокровных образов людей, выполнивших свою великую миссию — совершивших революцию, воздвигнувших страну из пепла разрухи, построивших и отстаивавших новый мир. Их дела запечатлены в десятках произведений, сообща рисующих великую панораму событий, уже ставших историей и давших бессмертный материал для художников историко-революционной темы.

Нам хотелось бы сосредоточить внимание на проблеме изображения человека непосредственно в его деянии, воплощения натуры деятельной, активной, всегда находящейся в творческом поиске. Это — человек труда, созидатель, творец, строитель социалистического и коммунистического общества.

Лишь те, кто не смог сразу постигнуть великое созидательное начало революции, восприняли ее как разрушение. На самом деле Октябрь по своей сути и историческому смыслу был прежде всего и в первую очередь грандиозным строительством нового мира на обломках капитализма. Именно поэтому с первых же дней революции представители новой, советской литературы стремились не только подчеркнуть созидательное значение Октября, но и создать типические характеры, несущие в себе этот заряд преобразования действительности, мысль о необходимости и радости освобожденного труда. Это были герои, своим повседневным подвигом труда утверждавшие и закладывавшие основы социалистического общества, перешедшие от винтовки к плугу и станку, к непосредственной созидательной деятельности — сути нового общественного уклада. Становление и развитие их миропонимания, формирование их мировоззрения были так же тесно связаны с этой практической деятельностью, как ранее — с их борьбой за установление и упрочение Советской власти. Одно вытекало из другого, свободный труд был продолжением и логическим следствием борьбы за свободу личности.

В различных литературах Союза процесс создания таких характеров протекал по-разному, в зависимости от конкретных исторических условий развития как самих социалистических наций, так и их новых литератур. К примеру, в узбекской литературе начало создания подобных образов приходится на 30-е годы. Именно в эту эпоху, когда закончился период напряженной борьбы с басмачеством, узбекские советские писатели обратились главным образом к характерам созидателей.

Теперь это уже воспоминание — то, что именно в те годы герой повести Абдуллы Кадыри «Абид-кетмень» с пудовым кетменем на плечах стремился вдохнуть жизнь в сухие, бесплодные холмы — открыть новые земли и новый для себя мир светлого труда. Именно тогда в поэзии Хамида Алимджана возникли невиданные прежде характеры молодых хлопкоробов, обыкновенных тружеников, повторивших подвиг легендарных Тахира и Зухры, верных своей клятве и жизненной этической позиции. Новый герой становится и основным героем узбекской литературы. Бригадир хлопководческого колхоза Кукан «ведет» главные идейные и сюжетные линии поэмы Гафура Гуляма «Кукан батрак». Обыкновенный труженик — не исключительная личность, не богатырь древних поэм — становится героем пьес Яшена, поэм Уйгуна, прозы Каххара.

В последующие периоды развития узбекской советской литературы художественное исследование характера труженика-созидателя сохраняется как основное направление, магистральная линия всей деятельности

наших писателей; образ человека деяния во всех жанрах и видах нашего искусства доминирует, определяя направление поиска и уровень идейности художника.

XXV съезд КПСС справедливо определил успехи, достигнутые советской литературой в освоении темы труда, как выдающиеся и еще раз подчеркнул, что произведения, правдиво освещающие героический, вдохновенный труд советских людей, обрели подлинно высокую и ясную художественную форму.

В Отчетном докладе ЦК XXV съезду партии Л. И. Брежнев отметил: «Возьмите, к примеру, то, что ранее сухоовато называли «производственной темой». Ныне эта тема обрела подлинно художественную форму. Вместе с литературными или сценическими героями мы переживаем, волнуемся за успех сталевара или директора текстильной фабрики, инженера или партийного работника».

И действительно, истинными героями нашей литературы стали не искатели легкого счастья, ищущие собственного покоя за счет чужих тревог и трудов, не алчные и корыстные любители беспечной жизни, а настоящие люди, занятые творческим созиданием, находящие в нем радость и приносящие счастье другим.

Совершенно естественно, что в последние годы, в условиях научно-технической революции, интенсификации всего народного хозяйства, узбекские советские писатели, как и вся наша литература, уделяли особое внимание художественному отражению современности, а значит, главному образу Времени — труженику-созидателю. Вероятно, среди наших мастеров слова трудно, а быть может, и невозможно найти хоть одного, кто не пытался бы испробовать свой талант, обратившись к этой благородной теме и этому высокому образу. Ведь исполнение подобного замысла отвечает решению двуединой задачи: поставить литературу на службу еще более интенсивному и мощному подъему народного хозяйства, всеобщего благосостояния и воспитать нашу молодежь в светлом и ясном коммунистическом духе.

Сегодняшние герои узбекской литературы — это хлопкоробы, собирающие для Родины миллионы тонн «белого золота»; шелководы, дающие тысячи тонн шелка; чабаны, обеспечивающие страну драгоценным каракулем; изыскатели, добывающие из недр земли бесценные богатства; зодчие, создающие города и села; строители, возводящие промышленные объекты и жилые дома, — люди деяния, видящие в своем труде и зерно, и плод нашего бытия.

Самой дорогой, и можно сказать, священной в узбекской литературе естественно стала тема труда хлопкороба, исторически обретшая у наших писателей права гражданства. Наиболее «свежий» литературный факт, касающийся этой темы, — недавно опубликованный сборник «5 000 000», в который вошло большое количество художественных и публицистических произведений малых жанров. Книга открывается очерком Ш. Р. Рашидова, посвященным этой актуальной тематике и обобщающим в яркой публицистической форме серьезные успехи, достигнутые узбекскими хлопкоробами за годы последней пятилетки. Ценность всего сборника, в первую очередь, в том, что все воссозданные в нем события и герои — художественный результат живых и острых наблюдений наших мастеров слова; включенные в книгу произведения представляют квинт-эссенцией нашего документального и художественного реализма, воспевающего героический труд славной гвардии хлопкоробов Узбекистана в девятой пятилетке.

Вообще отражение жизни хлопкоробов, психологии труда человека, выращивающего «белое золото», можно назвать темой, традиционной

для всей узбекской литературы. Лучшие стихи Гафура Гуляма рождались обычно в связи с праздниками хлопка, народными курултайми и впервые читались им именно с этих высоких трибун. С огромным чувством ответственности относились к созданию характера труженика-хлопкороба Айбек и Абдулла Каххар, посвятившие этой сложной проблеме лучшие свои произведения о современности: Айбек — поэму «Девушки» и роман «Ветер золотой долины», Каххар — ряд рассказов, роман «Огни Кошчинара», повесть «Птичка-невеличка».

Одним из писателей, посвятивших все свое многогранное творчество изображению жизни, труда, роста узбекских хлопкоробов, является Шараф Рашидов. Его творческая судьба — это тот счастливый случай, когда вся жизнь и деятельность писателя теснейшим образом связаны с тем, о чем он пишет, и с теми, чьи характеры воссоздает, проблемами хлопководства нашей республики, с людьми, поднимающими Узбекистан как республику «белого золота» на недосягаемую высоту.

В конце 40 — начале 50-х годов Ш. Р. Рашидов создал полюбившуюся читателям повесть «Победители». Но поднятая им тема, глубокие проблемы, связанные с ростом человека кишлака, творца хлопкового поля, продолжали волновать писателя — он ощущал, что отраженный им жизненный материал еще не раскрыт с возможной остротой; его вдохновляли и созданные им герои, и их живые прототипы. И вот, как доказательство стабильности целей, помыслов, творческих интересов Ш. Рашидова, почти через двадцать лет появляется новый вариант, а по существу новое произведение — роман, в котором писатель не просто возвращается к любимым темам и героям, но обогащает свою концепцию жизни и человека, свою манеру письма, свой взгляд на природу социалистического деяния и его творца, обогащает новым жизненным материалом и новыми эстетическими открытиями. В романе учтен эстетический вкус сегодняшнего читателя, перед внутренним взором которого возникает живой образ главной героини романа — Айкиз, девушки, живущей заботами, тревогами своего края, своего народа, колхоза, не щадящей сил и труда для достижения общего счастья.

Ощущая жизнь как движение, полет, устремленность к будущему, Ш. Р. Рашидов рисует ее светлыми романтическими красками: создаваемые им образы несут в себе своеобразную символику. Так, символичен пейзаж в экспозиции романа — героиня наблюдает с высокого холма восход солнца над родной землей. Айкиз первой видит яркие солнечные лучи — и она же будет нести своим деянием, своим сердцем эти лучи жизни в родную долину. А над горами стаями кружат орлы, и лучи утреннего солнца сверкают на крыльях высоко парящих птиц. И читатель улавливает глубокий смысл ассоциации: героиня романа, словно вестник-орел, первой несет людям весть о приближении рассвета, солнца, тепла жизни.

Но высоко взлетевшая Айкиз озабочена вполне земными, реальными делами, сложными и трудными. Размышляя о будущем своего народа, она связывает свои планы, мечты и желания с основаниями, которые лежат в той же плоскости, что и общие планы и мечты; она действует, опираясь на отчетливо осознаваемые возможности народа, его жизненный и творческий потенциал. Она умеет находить единственно верные и обоснованные точки опоры и всегда начинает осуществление своих целей, направленных на повышение материального и культурного уровня жизни людей, именно с этих опорных точек. Эти отправные пункты выходят далеко за пределы личных или ограниченных пределов женской мечты помыслов — они связаны с увеличением водных ресурсов, использованием целинных сокровищ, раскрывая тем самым государственные

масштабы мышления героини. Корневой пласт событий и доминанта характера Айкиз прочно связаны именно с этими жизненно важными вопросами, и для решения их готовится героиня к истинно орлиной высоты полету...

Мы сталкиваемся с героиней в различных жизненных ситуациях: печалимся над горьким ее детством в суровые годы Великой Отечественной войны; разделяем ее девичьи заботы в не менее трудные послевоенные годы; сопереживаем ей в острые моменты, когда она преодолевает жизненные противоречия, решает сложные проблемы, связанные как с общим благом, так и с личным миром. И во всех, зачастую весьма непростых, коллизиях писатель, ведя Айкиз, председателя сельсовета и простую женщину, по неразгаданным жизненным путям, раскрывает новый мир человека деяния наших дней,— мир, в котором понятия «труд», «созидание», «жизнь» становятся почти синонимами. Ибо именно в повседневных заботах, мелочах, проблемах раскрываются большая жизнь Айкиз, ее активное отношение к бытию, ее гражданственность и подлинное мужество. И «мелочи» повседневного труда обретают ту светлую, романтическую приподнятость, которая делает характер героини и весь роман Ш. Р. Рашидова поистине современными, устремленными в будущее.

Писатель, на протяжении многих лет создававший этот сложный характер, лепивший с любовью и нежностью образ современницы, возможно, и сегодня думает о ее дальнейшей судьбе в эпоху научно-технической революции, бурного и интенсивного развития жизни. Ибо возвеличение человека деяния,— активного, живущего мыслью о Родине и строящего свою жизнь как частицу жизни народа,— главное направление всего творчества Шарафа Рашидова — от первых стихотворений до «Могучей волны» и публицистики последних лет.

Отряд советских писателей, работающих над воплощением главного героя современности — человека-труженика,— не только многочислен, но и весьма многообразен. Художники отличаются друг от друга и самим подходом к жизненному материалу, и способами его эстетического воспроизведения. В разных жанрах, типах поэзии и прозы, в разных аспектах и исторических ракурсах, с помощью неодинаковых характерологических, сюжетных, композиционных приемов наши писатели стремятся создать многоликий и сложный, воплощающий в себе масштабность общего и человеческую непохожесть индивидуального художественный портрет — тип человека деяния наших дней.

Аскад Мухтар в романе «Чинара» идет своим путем—его герой Ачил-бобо раскрыт как человек будто бы совершенно иного плана по сравнению, скажем, с героиней Ш. Р. Рашидова. По существу, герой Мухтара — образ символический, собирательный, цементирующий весь образный и характерологический мир романа в единое целое. И в то же время, будучи реальным, живым человеком, он изображен в деталях и тонких штрихах своеобразной характерности, в которой на первый план, как и у Ш. Р. Рашидова и десятков других писателей, выступают труд, деяние, красота созидания—как доминанта жизненного пути, как магистраль характера.

Читая роман А. Мухтара, мы размышляем о том, что жизненные пути различны и встретить на них можно людей с разнообразным миропониманием и неповторимой судьбой. Но каждый из них,—если он человек,—со своей жизненной позиции, с точки зрения своих взглядов и понимания мира служит своему народу, не говоря высоких слов, но совершая высокие поступки и стремясь как можно лучше исполнить свой гражданский долг.

Своеобразный мир современного делового человека раскрыт в последнем произведении Аскада Мухтара—его повести «Как будто в буре есть покой...» В самом названии заключен символический смысл— в нем весь характер главного героя — строителя Мардонкула Заргарова, ищущего, беспокойного, всегда опережающего время.

Даже в бурю может наступить мгновенное затишье — в жизни Мардонкула этого нет. Он постоянно размышляет о новых своих делах, предощущает будущее; начав строительство объекта, он не успокаивается, пока не доводит его до конца, а закончив, тут же начинает разрабатывать новые планы, мечтать о новом деле. И зная о такой его постоянной устремленности в будущее, для него заранее готовят новые объекты, которые становятся ему опорными точками для последующего взлета. Это не просто строительные объекты — это сфера приложения могучих сил, это объекты подвига.

Мардонкул таков по самой природе своего характера, таким он рожден, таким воспитан. Весь его духовный мир, все переживания, поступки, деяния тесно связаны с тем образом жизни, который он исповедует. Не все понимают его, не может постигнуть внутреннюю красоту его души и жена, актриса. Они разные: он — как мятежный парус, который ищет бури, она любит спокойствие, штиль, жизнь без тревог. Многие пришлось пережить Мардонкулу, пока он встретил женщину, которая смогла понять его.

Своей неумемой деловитостью, целеустремленностью, настойчивостью герой как бы заражает и других. Он не только строит объекты, он — «строитель» жизни людей, оказывающий на них влияние своей жизнью. Мардонкул никому не читает нравоучений, не навязывает своих идей. Он воспитывает личным примером — свойство, которого порой не хватает иным руководителям.

Перед нами характер сложный, многогранный, во многом поучительный, раскрытый с разных точек зрения, во всей полноте проявлений крупной личности современника.

К сожалению, роман А. Мухтара «Чинара» и повесть «Как будто в буре есть покой...» несколько слабы в композиционном отношении. «Чинара» состоит из ряда повестей, что в какой-то мере нарушает ее компактность. Некоторые повести мало связаны между собой, а если и связаны, то лишь по внешним признакам—благодаря образу Ачил-бобо. В повести «Как будто в буре есть покой...» обнаруживаются излишние детали, эпизоды, которые почти не служат раскрытию образа Мардонкула и главного замысла произведения; много вставных эпизодов, органически не вливающих в общее содержание произведения.

К созданию образа современного труженика обратился Хамид Гулям в своем последнем романе «Аромат фиалки». Здесь писателя интересует не движение героя к вершинам, как в романе Ш. Р. Рашидова, и не изображение сходных человеческих судеб через их преломление в одном сложном символическом характере, как у А. Мухтара в «Чинаре». В «Аромате фиалки» и главных его характерах — своя художественная логика, свое индивидуальное прочтение судеб людских, свои приемы изображения действительности.

Большинство героев романа — люди сегодняшних будней, создатели материальных и моральных благ нашей жизни. Когда Хамид Гулям ведет своих героев по сложным жизненным перепутьям, его не особенно интересует сам процесс их «благополучного» восхождения — они далеко не идеальны, совершают немало ошибок в сложных ситуациях, и мы даже не знаем, какие выводы они для себя сделали. Но в художественном произведении герой может и не прийти ни к каким серьезным выво-

дам: важно, чтобы он привел к этим глубоким выводам читателя. А читатель романа «Аромат фиалки» к таким выводам, несомненно, приходит. Он как бы проецирует на себя, на свой жизненный опыт и путь, на свое будущее поступки, уроки и ошибки героев романа, ставит себя на их место, усваивает их опыт, чтобы не повторить их ошибки. А главное — читатель здесь, как и в других произведениях современности, ощущает смысл и движение бытия как преодоление трудностей во имя правды, справедливости, долга, причем зачастую это — преодоление самих себя, невозможное вне того ясного нравственного, душевного мира, который складывается лишь в труде на благо народа.

Иначе движется к характеру труженика-созидателя П. Кадыров — я имею в виду его повесть «Наследие». Писатель создает биографию героя — человека, прославившегося на всю республику своим самоотверженным трудом. Но это не простая и не обычная биография — это движущийся характер, šťastливо найденный и созданный воображением художника в творческих муках, это биография, художественно преломленная сквозь мироощущение самого писателя. И в то же время в повести есть движение глубокой жизненно важной проблемы, протекающей параллельно с биографией героя-механизатора, и даже не пересекаясь, а как бы слившись с ней. Это проблема, казалось, бы сугубо «техническая» — механизация труда хлопкороба. Писателю удалось включить в художественное произведение сложные производственные вопросы, связанные с выращиванием хлопка — культуры трудолюбивой и капризной, — потому что он не отрывает этих вопросов от проблемы психологии, личной жизни героя. Другими словами, художник поступает соответственно тому, как это бывает в самой жизни, где характер — это личность, которая не может быть оторвана от какой-либо важной сферы своего существования и чей труд становится столь же личностным, как и другие сферы человеческого бытия.

Таким образом, повесть «Наследие» представляется не только художественной биографией знаменитого мастера-хлопкороба, но и своеобразной «биографией» процесса механизации тяжелого труда по выращиванию «белого золота». Слияние этих двух глубоких проблемных пластов намного повышает жизненную убедительность повести, ее художественную ценность. Произведение вдохновенно утверждает мысль о том, что сильные и великие личности, которые могут стать героями художественной летописи эпохи, живут рядом с нами, являются нашими современниками. Они ждут своего эстетического воплощения. Повесть П. Кадырова показывает также, что создание художественного произведения, обогащенного образами вполне реальных героев, требует от писателя настойчивости, поисков ярких прототипов среди людей деяния, мужества, борьбы за идейно-эстетическое совершенствование произведений, прокладывания новых путей и создания новых способов художественного изображения современности.

Пиримкул Кадыров — автор ряда повестей и романов. Казалось бы, он уже накопил большой опыт художественной ориентации. Однако в повести «Наследие» писатель не отыскивает оригинальные сюжетно-композиционные приемы. События в ней описываются хронологически, от факта к факту, и некоторые страницы произведения носят очерковый характер.

Жизнь героев хлопковых полей, их думы о будущем, их душевные помыслы и устремления особенно привлекают Адыла Якубова — автора серии современных очерков «Долг сыновей». Свообразие их определяется слиянием острой проблемности и проникновенного лиризма. Здесь происходит словно художественный синтез жизненного опыта героев, чьи

души писатель стремится раскрыть, и личного опыта художника, включающего в свободное повествование лирические отступления, воспоминания, думы о жизни, о друзьях, о детстве. Это придает его очеркам свежесть, личностную окрашенность, эмоциональную живость. Лирическая струя играет роль своеобразной отправной точки для размышления о современных проблемах жизни, труда хлопкороба, перспективах его развития. Художник как бы вместе с героями решает острые вопросы, связанные с механизацией тяжелых видов труда, с взаимоотношениями хозяйственных организаций и т. д., — он живет их жизнью, а не смотрит на них со стороны. К сожалению, в этих очерках лирическая направленность в недостаточной мере сопровождается исследовательским поиском, что мы обычно наблюдаем в произведениях таких очеркистов, как В. Овечкин, М. Шагинян.

Серьезное эстетическое исследование характера человека труда ведется в последние годы и писателями, разрабатывающими сравнительно новую для Узбекистана тему рабочего класса. Здесь есть свои удачи и просчеты, но вместе с тем ощутима та главная тенденция, которая объединяет все романы, повести, новеллы, поэмы, очерки о людях труда: в них выдвигается концепция личности, не воспринимающей жизни вне творчества, равно связанной со всем, что происходит в мире, и активно преобразующей мир. Те сдвиги, которые происходят в жизни нашей республики, отражаются произведениями на рабочую тему, быть может, с наибольшей остротой. Хорошо выразил смысл этого явления Аскад Мухтар: «У нас в Узбекистане, к примеру, писать о рабочем — значит писать об облике нации. Мы как нация начали формироваться лишь с появлением рабочего класса. Его влияние на жизнь остальной части общества у нас особенно ощутимо...»

Произведения о рабочем классе в литературе Узбекистана также многогранны и несхожи по своему историческому диапазону, способам воспроизведения той или иной эпохи и человека, художественному строению. Различны темы, сюжеты, герои романов и повестей. Но их объединяет то, о чем просто и непосредственно сказал писатель Шамиль Алядин, автор романа «Фонари горят до рассвета»: «Труд — главная тема моих книг». К этим словам могли бы присоединиться не только авторы произведений на рабочую тему.

Отображение созидательных способностей человека как внутренней потребности, вытекающей из самой природы его общественного положения, не чуждо и произведениям на исторические темы. Это понятно. Способность к созиданию, коллективное сотворчество — одно из лучших исторически сложившихся человеческих качеств, отображение которых в литературе всегда носило глубокий воспитательный смысл.

В узбекской литературе немало произведений на историческую тему, подтверждающих нашу мысль. Так, в романе «Навои» Айбек воспел в характере и деяниях главного героя прежде всего могучую, преодолевающую забвение веков силу творчества, радость сотворения Красоты. И как бы продолжая традиции и самого Навои — певца труда, и Айбека, один из узбекских писателей, Мирмухсин создал роман «Зодчий», воспевший творческий порыв и стремление к бессмертной красоте великого строителя прекрасных памятников архитектуры Самарканда и Бухары. В произведении Мирмухсина, особенно в первой его части, мы вместе с писателем переносимся в светлый и сложный мир художника, ощущаем и разделяем его безграничную радость, удовлетворение творческим трудом, и нам хочется рукоплескать деянию сильного духом человека, который в эпоху невежества, в темное время насилия над всем человеческим и светлым, когда в почете был не труд, а рабское преклонение

перед сильными мира того, когда человек деяния стоял на самой низкой ступеньке социальной лестницы,— сумел сохранить в себе силу духа и творчества, сконцентрировав как бы всю энергию нерастратенного народного стремления к свободному труду, к созданию красоты. Однако вызывает сомнение то, что в последних частях романа Мирмухсин несколько отходит от показа основных черт своего героя, а больше включает в роман события, которые мало служат раскрытию характерных особенностей главного героя. Таковы эпизоды, связанные с переездом его из Герата в Бухару, и некоторые события, связанные с его жизнью в Бухаре.

Как видно, тема труда, изображение человека деяния в нашей литературе не нивелируется, не сводится, как это иногда кажется некоторым, к примитивному повторению, дублированию «производственных» процессов и одинаковым «портретам» каких-то роботов.

Эта тема и этот характер многозначны, психологически и исторически мотивированы, человечески индивидуализированы. Идет постоянный творческий поиск, ощутимо движение художественной мысли, видны огромные возможности метода социалистического реализма, не сковывающего развитие поиска писателей, потенциал их таланта, а наоборот, определяющего свободу выбора прототипов, способов изображения человека деяния, эпох, тем, сюжетов, приемов художественного воспроизведения действительности.

Правда, иногда сами писатели, как видно, не считаясь с высокой ответственностью этой по существу главной темы современного литературного процесса, допускают поверхностное к ней отношение, что, естественно, приводит к определенным ошибкам. Иные увлекаются демонстрацией технических идей, другие не умеют глубоко проникнуть в недра накопленного жизненного материала, скатываются к описательству, уходят от живого человеческого наполнения темы труда, третьи порой увлекаются изображением второстепенных деталей и эпизодов,— все они не могут привнести в сложную тему и сложный характер человека деяния частицу своего внутреннего мира, раскрыть самих себя в произведении, дать эстетическое наслаждение читателю, художнику, критику.

В этом случае проигрывает и само художественное произведение, наносится урон авторитету трудовой темы.

Один из главных выводов, прочно усвоенный нашими писателями, кладущими в основу своих творческих планов материалы XXV съезда партии, заключается в том, что могучая тема труда, образ человека деяния непременно должны сохранить свою важность, актуальность и значимость в нашем искусстве. Это налагает огромную ответственность на всех, кто так или иначе соприкасается с проблемами воплощения трудовой тематики и трудового человека. Братись за эту тему можно, лишь отчетливо осознавая ее величие и значение и твердо помня требования эпохи, партии, нашего читателя: высокая идейность и высокая художественность!

Думается, что опыт узбекской советской литературы, являющейся неотъемлемой частью всего нашего многонационального социалистического искусства, вполне подтверждает обоснованность этих требований и задач, стоящих перед нашими писателями.

М. Қўшонов

ЎЗБЕК СОВЕТ АДАБИЁТИДА МЕҲНАТ КИШИСИ ОБРАЗИ

Ҳозирги ўзбек совет адабиётида яратилаётган қатор асарлар мисолида ёзувчиларнинг меҳнат кишиси образини яратишдаги маҳорати таҳлил қилинади.

О. Д. ЧЕХОВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ФЕОДАЛЬНОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В исследовании истории докапиталистических формаций большое значение имеют конкретные разработки по источникам, освещающим особенности общественных отношений в восточных странах, в том числе на территории современных республик Средней Азии. Бухара, Хорезм, Самарканд и другие области Узбекистана, в свое время внесшие большой вклад в культурное развитие человечества, отличались глубоко оригинальными чертами и в социально-экономической жизни. Существовавшая здесь с давних времен система поземельных отношений включала ряд признаков, не характерных для других регионов и потому представляющих большой интерес в теоретическом отношении. Без детального изучения специфики местных социальных институтов (милк, вакф и др.) мы не сможем охватить всего разнообразия черт, важных для определения основных закономерностей генезиса и развития феодализма.

В настоящее время можно считать установленным, что Средняя Азия не относится к числу стран, где единственным земельным собственником было государство, которое непосредственно противостояло земледельцам, а рента и налог — совпадали. Как удалось выяснить на основании сохранившихся подлинных поземельных документов феодального времени, большая часть обрабатываемых земель принадлежала здесь частным землевладельцам в качестве *милка* — особого вида собственности, возникшего еще до арабского завоевания и узаконенного мусульманским правом. Другая часть культурных земель составляла *вакф* — дальнейшую модификацию милка, тоже восходящую к древним временам¹. В разряд государственных земель здесь входила лишь часть территории, но и она, как будет показано ниже, с течением времени постепенно переходила в руки частных собственников.

Поскольку в рамках статьи невозможно привести в оригинале тексты разнообразных и многочисленных источников, отражающих процесс развития поземельных отношений в феодальной Средней Азии, мы ограничимся лишь немногими цитатами из юридических трактатов и актов, а в остальном сошлемся на уже изданные и частично — неизданные исторические документы².

¹ См.: А. Г. Периханян. Сасанидский судебник, Ереван, 1973, стр. 99 и след.
² См., напр.: «Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века», М.—Л., 1938; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович под редакцией А. К. Арендса, Ташкент, 1954 (далее — «Документы...»); О. Д. Чехович. Бухарские поземельные акты XVI—

Юридическое обоснование права частной собственности на землю выражено в шариатских трактатах и документах чаще всего в виде предания (*хадис*), приписываемого пророку Мухаммаду легализацию земельной собственности *милкият*. В местных таджикско-персидских документах и юридических сочинениях этот хадис (на арабском языке) цитируется обычно следующим образом:

رسولى كه وثيقه ملكيت انسانرا بتوقيع من احى ارضاً ميتةً فهى له
مسجل گردانيد

«...Посланник [Аллаха], который утвердил грамоту о праве собственности человека начертанием: Тот, кто оживил мертвую землю, тому она принадлежит».

Конечно, многие хадисы, в том числе, вероятно, и этот, не являются «истинными» в том смысле, что не доказано действительное их происхождение от «пророка». Но важно другое: после того, как хадис был составлен и включен в авторитетные шариатские сборники, служившие руководством для судебной практики, на него ссылались и на нем основывались духовные и светские власти при решении реальных практических дел. Имеется масса подлинных исторических документов, доказывающих, что на всем протяжении феодальной эпохи в Средней Азии руководствовались сборниками хадисов, проверенных лишь формально, по *иснаду*, т. е. по цепи «передатчиков». Некоторые хадисы, по-видимому, составлялись позднейшими законооведами в связи с потребностями общественной жизни их времени и приписывались Мухаммаду или халифам «задним числом», для придания им большего веса.

Поскольку приведенный хадис о частной собственности на землю постоянно цитируется в среднеазиатских юридических сборниках, трактатах и даже частных актах, оформлявших реальные поземельные сделки, не может быть сомнения в действительном существовании сформулированного в нем права. Многочисленные подлинные документы доказывают, что практическая жизнь не укладывалась в рамки названного в хадисе источника происхождения частной собственности (оживление «мертвой земли», т. е. освоение целины). Позднее были узаконены и другие способы образования частной собственности, например путем продажи султанами хараджных, государственных земель:

كما وقع فى فتاوى التاتار خانى و الخزانة و غيرها و يجوز للسلطان
بيع اراضى الخراجى عند ابيه الثلاث

«Как сказано в «Фатави ат-татархони», в «Ал-хазане» и иных [книгах]: «Разрешена султану продажа хараджных земель тремя имамами»².

XIX вв., Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 223—242; В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, Монографический сборник «Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 109—136; «Материалы по истории Ура-тубе. Сборник актов XVII—XIX вв. Составление, перевод и предисловие А. Мухтарова под редакцией А. А. Семенова и О. Д. Чехович, М., 1968; О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. по материалам «Вакфнаме», Ташкент, 1966; Самаркандские документы XV—XVI вв. (о владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович, М., 1974, и др.

² Имеются в виду законоведы VIII в. — Абу Ханифа, Абу Юсуф и Мухаммад Шейбани. Оба изречения в таком виде приводятся не только в местных юридических сочинениях, но и в подлинных бухарских актах XVII—XVIII вв. См., напр., документ 1670 г. о продаже ханом Абдалазизом государственных земель в окрестностях Самарканды, ркп. ИВ АН УзССР, фонд «Чеклар», № 11; опубликован в кн. «Документы...», стр. 59—64.

Как практически оформлялась продажа государственных земель (*арази-и мамлака*), можно проследить по многим среднеазиатским документам. Приведем типичную формулировку одного из них:

و بعد این بیع بعد از آنکه این اراضی محدوده مذکوره مملکت پادشاهی بود و حضرت خان که خلیفه زمان بودند بلده فاخره بخارا و سمرقند و تاشکند و ترکستان و نسفی و کیش و حصار شادمان و کولاب و بلخ در تحت حکومت ایشان بود و آنعالی حضرت را ولایت بیع آن بود شرعاً چونکه ارض مملکه حکم بیت المال داشت

«Совершена эта продажа после того, как упомянутые [проданные] участки земли были государственными землями. Его величеству хану, который был [халифом] того времени, были подвластны прославленный город Бухара, Самарканд, Ташкент, Туркестан, Несеф, Кеш, Хисар-и Шадман, Кулаб и Балх, так что его величество имел право распорядиться продажей их [земель] в законном порядке, ибо государственная земля имела значение государственной казны»⁴.

Как видно из документов, продажа государственной земли сопровождалась превращением ее в частную собственность — милка, а затем освобождением от податей:

و بعد از آنکه این اراضی محدوده بسبب مبیعه مذکوره ملک مشتری مذکور گشت گرفتند حضرت خان مذکور از برای خود از مشتری مذکور مالک آن محدوده اول و ثانی و ثالث را که موازی یکپزار هشتصد طناب است در عوض خراج شرعی بقیه محدودات بعد از آنکه این محدود اول و ثانی و ثالث ارضا و ربعاً ضعیفی بقیه محدودات بود مع قبوله و این بقیه محدودات بسبب این معامله شرعیه ملک حر و خالص از خراج شرعی و ما يتعلق بالخراج مشتری مذکور گشت موافقاً لرای من رای ذلك من العلماء العظام و الفقهاء الکرام.

«После того, как эти [проданные] участки вследствие их продажи сделались милком покупателя, его величество хан взял для себя от покупателя, [ставшего] обладателем милка, первый, второй и третий участки, т. е. около 1800 танабов, взамен законной подати с остальных [проданных] участков, с согласия покупателя. При этом взятые ханом участки по размеру и по доходности были вдвое больше земель, оставшихся у покупателя. Оставшиеся [у покупателя] участки по причине этой законной сделки превратились в обеленное имение покупателя, освобожденное от подати и того, что относится к подати, в соответствии с мнением тех, кто так считал из великих улемов и высокочтимых законоведов»⁵.

Для подкрепления законности последней части подобных сделок, т. е. освобождения земли от податей, бухарские документы обычно ссылаются на юридические трактаты XII в.:

⁴ Из подлинного документа 1657 г. о продаже и обелении государственных земель в Бухарской области, ркп, ИВ АН УзССР, фонд «Чеклар», № 2; опубликован в кн. «Документы...», стр. 47—55.

⁵ Документы..., стр. 50—55.

ملك بر ذو نوع است ملك حرّ و ملك غير حرّ ملك حرّ آنست كه در عرف و لغت خوالص عن الخراج باشد يعنى طريق وى آنست كه ثلثان او را مثلا بجهة خراج ده دو بر اور ده ميشود و ثلث آن را بجهة ده يك و اين ثلث را ناميده ميشود ملك حرّ

«Милк существует двух видов: милк, свободный от податей, и милк, не свободный от податей. Милк-и хурр в обычном праве местного населения, как и в обыденной речи, есть свободная от податей [собственность]. Способ ее [образования] таков: две трети ее, например, засчитываются за харадж из двух десятых, а одна треть [за харадж] из десятины. И эта треть называется милк-и хурр»⁶.

Или:

الملك الحرّ ما يكون خالياً عن الخراج يعنى لو كان خراج الارض ثلثاً او ربعاً او خمساً او عشاراً او غير ذلك فيخرج من هذه الارض للسلطان قدر الخراج و الباقي لصاحبها و يسمى ملكاً حرّاً

«Милк-и хурр это то, что свободно от подати. То есть, если была земельная подать из трети, или из четверти, или из пятины, или из десятины, или иная, то выплачивается с этой земли султану стоимость подати, а остальное принадлежит хозяину земли и называется милк-и хурр»⁷.

Анализируя содержание среднеазиатских юридических трактатов и актов, мы можем убедиться в том, что со времени первых веков ислама и вплоть до XX в. здесь признавалась законной частная собственность на землю. Имелось несколько разновидностей собственности — милк, милк-и хараджи, милк-и хурр и др. Правитель имел право продавать государственные земли частным лицам. Это право зафиксировано в трактатах XII—XIII вв., и фактическое совершение таких сделок засвидетельствовано сохранившимися подлинными актами XV—XX вв. из Бухары, Балха, Самарканда, Хивы, Ферганы, Кашкадарьи и других мест Средней Азии.

Самый ранний из известных нам пока документов этого рода был составлен в конце XV в. в Балхе для Дарвиш Али Кукалташа, брата Алишера Навои. Действуя в духе приведенных выше указаний юридических сочинений XII в., Дарвиш Али отдал в казну две трети принадлежавшей ему оросительной воды и орошенной ею земли в местности Файзабад Балхской области взамен освобождения от податей остав-

⁶ Комментарий на полях среднеазиатского персоязычного юридического трактата начала XII в. «Тарджумат ал-аххам фи л-фуру'», соч. Хусейна, сына Мас'уда ал-Багани (ум. 1122 г.). О нем см.: Кашф аз-зуннуи, соч. Катйба Челеби (Хаджжи Хальфа), т. I, Стамбул, 1310 г. х., стр. 279. Выдержки из этого сочинения приводятся во многих среднеазиатских актах более позднего времени. См. «Документы...», стр. 59, 102, 119.

⁷ Среднеазиатский арабоязычный юридический трактат второй половины XII в. «Джами' ат-тафарик фи-л-фуру'», соч. Имама Мухаммада, сына Абу-л-Касима ал-Бакали ал-Хорезми (ум. 1190 г.). О нем см.: Кашф аз-зуннуи, соч. Катйба Челеби, т. I, стр. 397. Трактат цитируется во многих бухарских актах. См. «Документы...», стр. 43, 50, 102, 119, 186, а также в «Исвале-и хабибийе», соч. Ибадаллаха б. Ходжа Ариф Бухари, кн. ИВ АН УССР, илв. № 4976, л. 73а.

шейся у него одной трети их. Документ опубликован Г. Р. Ремером по рукописи Стамбульского университета № 87⁸. Другая копия содержится в рукописи А-210, принадлежащей Ленинградскому отделению ИВ АН СССР, где ее изучал Н. Махмудов, опубликовавший перевод существенной части акта⁹.

Хотя более ранние документы этого рода еще не обнаружены, можно не сомневаться, что они существовали, поскольку в приведенных трактатах XII в. уже говорится о законности подобных сделок. Для времени XVI—XIX вв. в Узбекистане имеется много актов о продаже ханов государственных земель и их обелении от податей, проводившемся вполне в духе приведенных положений среднеазиатских юридических трактатов XII в. и даже со ссылками на них¹⁰.

В XVIII в. в Бухаре был составлен новый оригинальный трактат, обобщающий юридическую практику поземельных отношений своего времени. В нем дается характеристика разных видов милка и подтверждается законность превращения государственной земли в милк путем продажи ее государем и возвращения $\frac{2}{3}$ земли в казну взамен освобождения от подати $\frac{1}{3}$, остающейся в собственности купившего ее феодала¹¹.

Бухарский юридический трактат «Рисале-и хабибийе» рекомендует падишам продавать государственные земли не за деньги, а, например, за экземпляр Корана¹², и такие продажи фактически совершались в Средней Азии XVII—XVIII вв. Сохранившиеся подлинники документы¹³ показывают, что в основе подобных сделок, возможно, лежало намерение государя подарить, пожаловать землю своим приближенным, но оформлялись они у казиев как гражданские сделки купли-продажи. Видимо, для изменения юридического статуса и превращения государственных земель в частную собственность одного лишь волеизъявления государя было недостаточно, требовалось постановление казиев, действующего на основании законоположений частного права.

Проданная государственная земля (замин-и мамлака) в руках покупателя приобретала новый титул: милк или милк-и хараджи, т. е. становилась частной собственностью, облагаемой в пользу государства обычной поземельной податью (харадж). Как правило, в том же судебном заседании казий совершал и вторую юридическую операцию — освобождение $\frac{1}{3}$ проданной земли от хараджа за выкуп в виде возвращения казне $\frac{2}{3}$ этой земли. Таким образом, земля делилась между покупателем и казной пропорционально долям ренты, которые полагались с милковых земель государству ($\frac{2}{3}$ дохода) и землевладельцу ($\frac{1}{3}$).

В тех случаях, когда земля не подвергалась процедуре обеления, а таких земель было, видимо, громадное большинство, собственность на земли милк не была сосредоточена в одних руках, т. е. на одну и ту же землю определенные права имели и государство, и феодал-землевладелец, и даже потомственные земледельцы, имевшие право ее обработки.

⁸ Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Saraf-nama des Abdallah Marwarid In kritischer Auswertung, Persischer Text in Faksimile von Hans Robert Roemer, Wiesbaden, 1952, S. 79—82, 166—168; Text S. 17a—18b.

⁹ Н. Махмудов. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв., Душанбе, 1966.

¹⁰ См. их публикации: О. Д. Чехович. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв., стр. 223—242; е е же. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, стр. 8, 9, 14—23, 41—55, 90—99, 116—124, 184—189.

¹¹ Рисале-и хабибийе, соч. Ибадаллаха б. Арифа Бухари, ркп. ИВ АН УзССР, № 4976, л. 666—80а.

¹² Там же, л. 73а.

¹³ Документы..., стр. 90—97, 100—105, 116—124.

Характерная для феодализма раздробленная, расчлененная форма собственности, обозначавшаяся здесь термином милк, составляла своеобразную черту феодальных отношений Средней Азии и ряда других стран, входивших в орбиту действия мусульманского права.

Большое распространение имела в Средней Азии еще одна древняя форма земельной собственности — вакф. Крупные землевладельцы передавали часть своих земель в пользу конфессиональных учреждений (медрес, медресе, ханака, мавзолеев и т. п.) с условием не продавать, не дарить, не передавать в наследство и не присваивать эти земли каким бы то ни было способом¹⁴. Формально вакфные земли полностью изымались из гражданского правооборота, и доходы с них посвящались навечно тем целям, которые обозначались основателями в вакфных грамотах. Но распоряжение вакфным имуществом обычно оставалось в руках основателя до его смерти, а затем переходило к назначенному им распорядителю (часто ближайшему потомку) и т. д. Таким образом, землевладение сохранялось, подобно майорату, в роду основателя вакфа, не подвергаясь разделу между всеми наследниками, как то предусмотрено по мусульманскому праву. Вакфы не подлежали также конфискации, а иногда и налогообложению, вообще ускользя из-под контроля государства. Ранние примеры вакфа (конечно, под другим названием) отмечены в сасанидском судебнике VII в., но его возникновение относится к еще более раннему периоду.

Как видно из многочисленных вакфных документов феодального времени, в вакф передавались только милковые земли, так что в основе вакфа лежала все та же феодальная собственность милк. Даже правящие государи, чтобы учредить вакф, должны были сначала оформить с помощью казия превращение государственной земли в милк и лишь после этого могли создать на такой земле вакфное учреждение. Доказательством может служить, например, бухарская вакфная грамота 1670 г. в пользу двух медресе Абдулазиз-хана в Бухаре. Одно из этих великолепных зданий сохранилось и сейчас еще поражает высокой художественностью остатков украшавшей ее росписи. В вакфной грамоте сказано, что, желая основать вакф для поддержания этих медресе, хан продал за 100 000 тенег предназначенные для этого государственные земли (замин-и мамлака-падшахи) по реке Харамкам, т. е. Кухак, затем купил их обратно за ту же цену, но уже в качестве частной собственности (милк-и хараджи), освободил, опять-таки с помощью казия, от податей и передал в вакф¹⁵. Этот факт показывает, насколько изменение юридической категории земли было неподвластно хану.

Милк с его разновидностями как основная форма феодальной собственности всегда был прерогативой шариатских властей. Попытки изменить это положение не удавались: мы имеем в виду рассказ Раванди о всеобщем восстании в XII в. против намерения халифа Насира ликвидировать милк в Хузистане¹⁶. Это было воспринято современниками как *бидъат*, недопустимое новшество, как посягательство на основу основ феодального строя.

Касающиеся милка положения юридических трактатов, составленных как в ранние века ислама, так и в позднейшее время, находили

¹⁴ Об этом см. Бухарский вакф 1299 г. н. э., ЦГА УзССР, ф. И-323, № 1429/6 и 1429/20, строки 135—173, а также вакф 1333 г., в кн.: О. Д. Чехович. Бухарские документы XIV в., стр. 205.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-323, оп. 1, № 507.

¹⁶ The Rahat us-sudur wa Ayat as-surur, being a history of the Saljuqs by Muhammad ibn Ale ibn Sulayman ar-Rawandi, edited with notes, glossary and indices by Muhammad Iqbal, Leyden—London, 1921 (GMS, New Series, vol. II), p. 381—382).

вполне реальное применение в практической жизни Средней Азии в течение многих столетий. В этом отношении, как нам кажется, не вполне права А. К. С. Лембтон, которая писала: «Следует помнить, что мусульманские юридические книги представляют описание идеала, а не действующей практики. Соответствие с законной теорией было утрачено на очень ранней стадии, если оно вообще существовало, и однажды нарушенное, имело мало надежды восстановиться путем судебных действий. Система, которая выросла, во многих отношениях имела мало сходства с представлениями юристов»¹⁷.

Мнение А. К. С. Лембтон, отчасти, очевидно, разделяемое О. Г. Большаковым¹⁸, может привести к недооценке мусульманских юридических сочинений как исторических источников. Несомненно, что, как и всякий исторический источник, мусульманские юридические трактаты должны быть подвергнуты научной критике, определяющей степень исторической достоверности сообщаемых ими сведений. Как и в других видах источников, никакие положения не могут приниматься на веру. Но совершенно очевидно, что популярные юридические трактаты, сборники хадисов и судебных казусов (фатави) служили практическими руководством для казиев при решении конкретных дел. Как никто не может отрицать ценность европейских юридических источников, таких как «Салическая правда», «Русская правда», «Судебники» и т. д., так нельзя отбрасывать и среднеазиатские юридические трактаты, цитируемые выше, а также «Хидайа» Бурханадина Али Маргинани, «Мухит ал-Бурхани» Бухари и др. Представляя собой не менее важные исторические источники, они очень богаты по содержанию и в какой-то мере отражают реальную действительность Средней Азии и других стран соответствующего времени.

Что касается приведенных нами цитат из юридических трактатов, то их соответствие действовавшей практике, как мы видели, легко доказывается сопоставлением с подлинными актами, совершенными в средневековой Средней Азии на основании положений этих трактатов.

Крупнейший представитель отечественной (и мировой) науки в исследуемой нами области, акад. В. В. Бартольд, будучи непревзойденным знатоком исторических источников средневековой Средней Азии, к сожалению, не уделял особого внимания юридическим трактатам и актам, дающим основной материал для изучения проблемы милка. В связи с этим тема нашей статьи принадлежит к числу мало затронутых В. В. Бартольдом, и это в сущности не должно нас удивлять. Для историка, стоявшего на идеалистических позициях, вопрос о собственности, естественно, имел лишь второстепенное значение. Справедливость требует, однако, заметить, что почти за полвека, прошедшие после кончины В. В. Бартольда, в изучении специфических форм феодальной собственности Средней Азии и ближневосточных стран сделано не так уж много, несмотря на то, что для нас это вопрос коренной, определяющий основу общественного строя.

В. В. Бартольд неоднократно определял милк как пожалованное государем частное владение, свободное от податей¹⁹. Последнее наиболее

¹⁷ A. K. S. Lambton. *Landlord and peasant in Persia. A study of land tenure and land revenue administration*, London — New York — Toronto, 1953, p. 53.

¹⁸ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. *Средневековый город Средней Азии*, Л., 1973, стр. 139.

¹⁹ В. В. Бартольд. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 412, 443; е го же. *История культурной жизни Туркестана*, Сочинения, т. 2, ч. I, М., 1963, стр. 368—369; е го же. *Об одном уйгурском документе*, Сочинения, т. 8, М., 1973, стр. 118.

полное его высказывание по этому вопросу относится к 1927 г., когда В. В. Бартольд писал: «В ханствах, как во всем мусульманском мире, издавна существовал институт свободных от податей частных владений (милк-и хурр-и халис, часто сокращенно милк), пожалованных государем в награду за службу».

В настоящее время выяснено, что освобожденными от податей были не все милки, а только часть их, обозначающаяся терминами милк-и хурр, милк-и халис или милк-и хурр ва халис. С других милков платились харадж, ушр, дахьяк и другие подати. Эти земли так и называются в документах: милк-и хараджи, милк-и ушри, милк-и дахьяки и т. п. В среднеазиатских актах проводится четкое различие между землями милк, как правило, облагаемыми, и землями милк-и хурр, как правило, не облагаемыми податями. При этом в совершенно аналогичных контекстах и безусловно в значении облагаемых земель употребляются термины милк и милк-и хараджи. Содержание этих документов дает нам основание заключить, что термин милк употреблялся иногда как сокращение термина милк-и хараджи, но не термина милк-и хурр-и халис.

В. В. Бартольд неправ и во второй части своего определения милка: этот вид собственности возникал не путем пожалования государями в награду за службу, а через продажу и выкуп, оформляемые казиями. При подробном рассмотрении так называемых «пожалований» в среднеазиатских актах, в том числе упоминаемых В. В. Бартольдом, оказывается, что «жалуемые» земли и раньше принадлежали тем же пожалованным лицам в качестве милка, так что в грамотах фиксируется лишь подтверждение этого факта со стороны вновь воцарившихся государей. Именно так обстоит дело в указах, опубликованных А. Мухтаровым, Р. Н. Набиевым и др. Даже в тех случаях, когда обеление даровалось впервые, это не было образованием нового милка, а лишь пожалованием государем той части экономической собственности, которой в форме налога он располагал в милке²⁰. К образованию юридических категорий милк, милк-и хурр-и халис такие пожалования не имеют отношения.

Нам осталось коснуться, хотя бы вкратце, вопроса о том, какое влияние оказывала принадлежность земель к той или иной юридической категории на положение крестьян. Местное право собственности милк, если им располагал мелкий земледелец давало ему громадные преимущества по сравнению с крестьянами, обрабатывавшими государственные или вакфные земли. Однако милковыми землями владели главным образом феодалы, а затем и баи. Положение издольщика на таких землях вряд ли сильно отличалось от положения остальных.

В сохранившихся среднеазиатских документах, к сожалению, редко освещается положение крестьян. Термины *кадивар*, *каранде*, *каралар*, *йетим*, *карол*, *дихкан*, *чайрикар* и др. заслуживают большего внимания со стороны историков. Обнаруживаемые иногда в источниках сведения о классовой борьбе, крестьянских движениях представляют большую редкость и громадную научную ценность. Научные работы, диссертации, содержащие исследования этих сведений, не должны залеживать в портфелях институтов и издательств, их надо быстрее публиковать.

Дальнейшее исследование проблемы должно идти по линии конкретных разработок отдельных источников. Скрупулезные исследования средневековых документов, выяснение смысла встречающихся в них терминов важны для дальнейшего обобщения — именно они двигают науку

²⁰ Об этом см.: Е. А. Давидович. Некоторые характерные черты социально-экономических отношений в средневековой Средней Азии. Тезисы доклада на конференции «Типология развитого феодализма в странах Востока», М., 1975, стр. 46—49.

вперед, и мы не должны игнорировать подобного рода работы, называя их «фактологией», «мелкотемьем». Самые широкие выводы нуждаются в обосновании и доказательствах, добываемых путем изучения источников. При этом приходится преодолевать множество всяких трудностей и препятствий, избавляться от некоторых укоренившихся заблуждений.

Поскольку количество подлежащих изучению среднеазиатских исторических документов, юридических трактатов и прочих источников феодального времени измеряется тысячами громадных многотомных фолиантов, научная критическая работа над ними должна стать предметом многолетних целеустремленных трудов целых коллективов профессионально подготовленных историков-востоковедов. Такая работа безусловно необходима и может быть ускорена благодаря великим преимуществам советского строя, позволяющего вести исследования в плановом порядке, создавать соответствующие научные коллективы и так же планомерно готовить необходимые научные кадры.

О. Д. Чехович

ФЕОДАЛ ЎРТА ОСИЕСИДА ХУСУСИЙ ЕР ЭГАЛИГИ МАСАЛАСИГА ДОИР

Мақолада ўрта аср Ўрта Осиёси хусусий ер эгалиги характерини кўп сонли тарихий хужжатлар асосида ўрганилади.

В. Н. ЯГОДИН

УСТЮРТ И ПРИАРАЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА

(Некоторые итоги археологических исследований 1971—1975 годов)

Определяя основные задачи своей работы на 9-ю пятилетку, археологи КК ФАН УзССР не стремились к охвату всей проблематики, связанной с археологическими памятниками автономной республики, а руководствовались прежде всего актуальностью научной проблематики с точки зрения историографии каракалпакского народа. Поскольку исследователи единодушно связывают этногенез каракалпаков с кочевыми и полукошевыми племенами, обитавшими в степях Евразии¹, основным направлением стали поиски и изучение памятников степных племен древности и средневековья на территории Каракалпакии, особенно в ее северных районах. В качестве своеобразной лаборатории для изучения проблем номадизма было избрано плато Устюрт, где, судя по экологическим условиям, можно было ожидать развития кочевничества в его классических формах.

Поскольку территория Устюрта ранее практически не была затронута археологическими исследованиями, была выдвинута задача поисков и картирования всех археологических памятников данного района.

Другим направлением стало исследование генезиса того своеобразного комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного типа хозяйства, который был характерен для каракалпаков на всем протяжении их истории. В этом направлении велось изучение культуры раннесредневекового владения Кердер как своеобразного хозяйственного аналога экономики каракалпаков позднего средневековья и нового времени. Основным объектом исследований было избрано кердерское поселение Курганча, где велось многолетние стационарные раскопочные работы². Сейчас завершен их первый этап, имевший целью выяснение стратиграфии, топографии и хронологии памятника в целом. Для этого использовались новейшие методические приемы, в частности, планиграфические задачи решались при помощи специальной аэрофотосъемки.

Для решения научных проблем, связанных с первым направлением наших работ, в истекший пятилетке были проведены поисковые маршруты по обследованию Восточного чинка и внутренних районов Устюрта³ (впадина Барсакельмес, солончак Агыин, пески Картпайкум,

¹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. Краткие сообщения Института этнографии, вып. II, М., 1947; Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I, Ташкент, 1964; М. К. Нурмухамедов, Т. А. Жданко, С. К. Камалов. Каракалпаки, Ташкент, 1971.

² В. Н. Ягодин. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии), Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера, Ташкент, 1973.

³ В. Н. Ягодин, Е. Бижанов. Археологические работы на Устюрте, Археологические открытия 1973 года, М., 1974; В. Н. Ягодин, Е. Бижанов, М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов. Разведки на Устюрте, Археологические открытия 1972 года, М., 1973.

урочище Косбулак, район солончакового массива Чурук), покрывшие значительную часть плато, ранее совершенно не затронутую археологическим изучением.

В итоге на археологическую карту районов, где ранее были известны, в лучшем случае, один-два памятника, нанесены десятки новых объектов, и среди них такие, качественно новые для археологии Каракалпакии, как памятники кочевых племен древности и средневековья.

Новое пополнение фонда археологических источников весьма разнообразно в типологическом и хронологическом отношении. Это небольшие развешенные стоянки первобытного населения Устюрта, средневековые караван-сарай, курганы кочевников, торговые фактории средневекового Хорезма и, наконец, грандиозные сооружения для облавных охот и культовые постройки кочевых племен.

В хронологическом отношении вновь открытые памятники охватывают огромный исторический период от мезолита—неолита до эпохи Золотой орды, т. е. от VIII тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э.

Археологические памятники первобытной эпохи. В процессе работ обнаружено 63 местонахождения каменного века. Специфическая топографическая черта их — гнездовое расположение. Большие группы этих памятников найдены на северо-западе Барсакельмесской впадины, в урочищах Булак, Косбулак, в районе солончака Чурук.

Изучение их позволило наметить пути к установлению места устюртского неолита в системе культур новокаменного века Евразии. Исследованиями специфики кремневой индустрии выявлено, что устюртский неолит характеризовался устойчивыми связями с неолитом Южного Приуралья, Юго-Восточного Прикаспия и внутренних Кызылкумов.

Другой существенный итог изучения неолитических местонаждений Устюрта — заключение о характере экологических условий на плато в VIII—III тыс. до н. э. Все мезолитические и неолитические объекты были связаны с более или менее постоянными источниками воды: озерами, ручьями и даже небольшими речками. Это позволяет полагать, что природные условия Устюрта в эпоху неолита существенно отличались от современных большей увлажненностью.

Глубокое изучение культур каменного века на Устюрте требует продолжения поисковых работ, особенно в районах, остающихся пока белыми пятнами на археологической карте. Актуальна и задача организации комплексных археолого-геоморфологических работ для всестороннего изучения природной среды, в которой существовало как мезолитическо-неолитическое, так и более позднее по времени население Устюрта.

Следует отметить также, что в процессе работ обнаружены первые памятники эпохи бронзы. К ним относятся часть курганов могильника Каракудук и часть местонахождения Сулама.

Памятники кочевников древности и средневековья. Специфика географической среды Устюрта допускала развитие здесь лишь кочевого скотоводческого хозяйства. Кормовые ресурсы плато позволяли осваивать его в качестве сезонного пастбища. Именно так оно использовалось кочевниками-казахами нового и новейшего времени⁴. Судя по имеющимся данным, за последние 2—3 тыс. лет природные условия Устюрта существенно не изменились, что дает основание говорить о широком освоении плато древними и средневековыми кочевниками. Об этом

⁴ Усть-Урт (Каракалпакский), его природа и хозяйство, Ташкент, 1949, стр. 206 и след.; С. В. В и к т о р о в. Индикация старых путей кочевания казахских родов табын и адай и ее значение для современного освоения Устюрта, Известия Всесоюзного географического общества, т. 103, вып. 5, М., 1971, стр. 444 и след.

свидетельствовали и результаты анализа некоторых материалов с археологических памятников древнего Хорезма. Так, анализ находок из одного погребения некрополя древнего Миздахкана позволил высказать предположение о том, что в хорезмийских городах оседали сарматы, кочевавшие со своими стадами по Устюрту⁵. О кочевых племенах ала-нов-асов и гузов на Устюрте упоминает ряд средневековых авторов⁶.

Все эти данные легли в основу разработанной нами и осуществленной в 1972—1975 гг. программы поисков археологических памятников кочевых племен на Устюрте. В ходе поисковых маршрутов было открыто и нанесено на археологическую карту около 50 новых памятников кочевников древности и средневековья.

По научной значимости первое место среди них, бесспорно, занимает огромный комплекс разновременных памятников в районе мыса Дуана, на севере Устюрта. Здесь находится грандиозная система сооружений, условно названных нами «стреловидными планировками», которые тянутся на десятки километров от мыса Дуана в направлении песков Матайкум. Сооружения эти, очевидно, использовались в массовых облавных охотах как загоны-ловушки. Об их масштабах говорит уже тот факт, что длина отдельной «стреловидной планировки» составляет обычно 0,8—1,0 км.

В том же районе найдены стоянки кочевников и огромный могильник, расположенный в большой излучине Восточного чинка Устюрта, которая образована многократными оползнями, сформировавшимися в направлении от плато к морю нечто вроде гигантского амфитеатра.

В составе могильника выделяются погребения различных типов, культовые постройки, петроглифы, связанные с местами отправления культа.

Наиболее раннюю группу памятников древнего кочевого населения Устюрта составляют объекты, суммарно датируемые VII—IV вв. до н. э. Это курганы с каменными ящиками на древнем горизонте. Среди выявленного погребального инвентаря наиболее выразительна бронзовая пряжка, выполненная в скифо-сибирском зверином стиле. Изображение стилизовано, но можно предположить, что перед нами — сцена терзания хищником крупного животного, очевидно верблюда. Этот сюжет, широко распространенный в ареале скифо-сибирского звериного стиля, по мнению многих ученых, несет в себе магические функции, играя роль своего рода оберега⁷.

В целом указанной группе памятников пока трудно дать точное хронологическое и культурное определение. Ясно лишь, что их можно отнести к кругу савромато-сакских культур степей Евразии.

Следующую хронологическую группу составляют объекты, суммарно датируемые IV в. до н. э.— II в. н. э. Это курганы с погребениями разных типов. Из обнаруженных здесь многочисленных находок заслуживает упоминания бронзовое зеркало с гравированным изображением. В центре композиции — водоплавающая птица из породы утиных. В древней ирано-индийской мифологии утка была олицетворением зем-

⁵ В. Н. Ягодни, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970, стр. 162 и след.; В. Н. Ягодни. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э., Археология и этнография Башкирии, Уфа, 1971.

⁶ См.: С. Волин. К истории древнего Хорезма, Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 194; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 59—60; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 167—169, 178, 188, 210.

⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства, Успехи среднеазиатской археологии, Л., 1973, стр. 28.

ного, смертного мира, и культовые древности с ее изображением должны рассматриваться, следовательно, как атрибуты божества, олицетворяющего земной мир и власть над ним⁸.

В скифском искусстве утка служила символом первопрядка Таргитая, а предметы с ее изображением — атрибутами его культа⁹.

Детальный сопоставительный анализ данной группы памятников Устюрта позволяет отнести их к раннесарматской прохоровской культуре, известной до сих пор в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. Но в них прослеживается сходство только с Южноуральской группой памятников прохоровской культуры. Столь значительное расширение раннесарматского ареала на юг требует своего объяснения.

Накладывая карту исследованных на Восточном чинке раннесарматских курганов на карту кочевых путей казахов нового времени, нельзя не заметить почти полного их совпадения. По Восточному чинку Устюрта проходил кочевой путь казахов-табынов, которые зимовали в районах Южного Приаралья, ранней весной поднимались на Устюрт, к лету перекочевывали в бассейны Сагиза, Уила и Эмбы, а в отдельные неблагоприятные годы уходили на север, где они не бывали десятки лет¹⁰.

Исследователи единодушно признают, что сарматы были кочевыми скотоводческими племенами, а приуральские сарматы отличались большей подвижностью по сравнению с нижевожскими¹¹. Обнаружение раннесарматских памятников на Устюрте и локализация части их меридиональной цепочки, протянувшейся через Устюрт к центрам древнехерезмийской оседлоземледельческой цивилизации, позволяют вновь поднять вопрос о существовании кочевого цикла у сарматов по маршруту Южное Приуралье — Юго-Западное Приаралье.

Действительно, бесплодные земли Устюрта, скудость источников воды, сезонный характер пастбищ позволяли вести лишь кочевое скотоводческое хозяйство путем сезонных перекочевов в меридиональном направлении, вслед за созреванием трав на пастбищах. Именно специфические природно-географические условия определили формирование сарматского кочевого цикла Южное Приуралье — Юго-Западное Приаралье и выделение локальной группы (или групп) племен, традиционно кочевавших в этом направлении. Пока нам удалось нащупать лишь один из этих путей.

Надо полагать, что часть сарматских памятников Южного Приуралья характеризует лишь летовочные стоянки, а зимовки следует искать далеко на юге. Не исключено, что известные ныне памятники сарматского времени к югу и востоку от Устюрта¹² дешифруют на карте места зимовок сарматских племен, чьи кочевые трассы пересекали гигантское плато Устюрт.

Индикация этих путей, очевидно, прояснит многие вопросы этнических и культурных взаимодействий обширного кочевого сарматского мира степей Евразии и мира оседлоземледельческих цивилизаций древ-

⁸ Д. С. Раевский. О семантике одного из образов скифского искусства, *Новое в археологии*, М., 1972, стр. 64.

⁹ Там же, стр. 66.

¹⁰ Усть-Урт (Каракалпакский), его природа и хозяйство, стр. 149—150.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Происхождение и характер хозяйства ранних сарматов, *Советская археология*, 1964, № 3, стр. 49—50.

¹² В. А. Лоховиц. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении, *История, археология, этнография Средней Азии*, М., 1968; А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, *Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР*, т. V, Ашхабад, 1959; М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, *Вестник древней истории*, 1953, № 1, стр. 158—159.

ней Средней Азии, в первую очередь Хорезма как форпоста древневосточных городских цивилизаций, выдвинутого далеко в глубь кочевой степи.

Сарматы, кочевавшие через Устюрт и зимовавшие на границах Хорезмского оазиса, находились в тесной связи с населением древних городских и земледельческих центров Хорезма. Для поздних этапов развития сарматской культуры мы фиксируем даже оседание части степняков в хорезмийских городах¹³.

О существовании подобных связей свидетельствуют находки хорезмийских сосудов в прохоровских курганах Южного Приуралья и в раннесарматских курганах Восточного чинка Устюрта. Кочевавшие через Устюрт сарматы выступали переносчиками культурной информации между миром оседлоземледельческих, городских цивилизаций западной части Средней Азии и обширным миром степных и лесостепных племен Приуралья и Западной Сибири. Коммуникации же, по которым шел этот обмен культурной информацией, не были ни путями завоевателей, ни, возможно даже, путями торговых караванов. Это были пути, по которым традиционно осуществлялся сезонный кочевой цикл сарматских племен Южного Приуралья — Юго-Западного Приаралья.

Следующая хронологическая группа открытых нами археологических объектов Устюрта датируется II—IV вв. н. э. и определяется как позднесарматская (сармато-аланская). Представлена она курганами, обнаруженными пока только в могильнике Дуана. Погребение совершалось под грунтовой насыпью, в грунтовой подпрямоугольной яме, обложенной по периметру камнем и иногда перекрытой по уровню горизонта каменной закладкой. Ориентация костяков северная.

Последняя из обнаруженных нами групп кочевнических памятников датируется VII—VIII вв. Она более разнообразна в типологическом отношении и представлена не только погребальными памятниками, как первые три группы, но и культовыми постройками, сооружениями для облавных охот, петроглифами и стоянками.

Погребальные памятники имеют цилиндрические или квадратные наземные сооружения со входом на южной стороне. Под ними в грунтовой яме находятся погребения в каменных ящиках, сопровождающиеся инвентарем. Ориентация погребенных северная.

Культовые сооружения представлены небольшими каменными оградами, внутри которых происходили культовые церемонии, связанные с огнем и ритуальными трапезами. Петроглифы связаны с культовыми сооружениями и представляют собой не реалистические изображения, а серию пиктограмм, глубоко процарапанных на поверхности обнажающегося пласта твердой глины. О сооружениях, предназначенных для облавных охот, говорилось выше.

Материал, полученный при исследовании археологических объектов этого периода, позволил установить, что вся группа памятников VII—VIII вв. характеризуется единой культурой, по основным признакам совпадающей с джетыясарской культурой на III этапе ее развития, известной ранее лишь для Нижней Сырдарьи. Значительное сходство отмечается и с кердерской культурой правобережной части Приаральской дельты Амударьи, генетически связанной с джетыясарской культурой.

Появление джетыясарской культуры на Устюрте может быть связано с отмеченным исследователями фактом запустения большинства памятников джетыясарской культуры на Нижней Сырдарье в конце VII в.

¹³ В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Указ. соч., стр. 166.

н. э. и распространением ее в дельту Амударьи, где на этой основе формируется кердерская культура, и в дельту Сырдарьи, где она ассимилируется с «культурой болотных городищ»¹⁴. Распространение джетысарской культуры на Устюрт сопровождалось переходом ее носителей от комплексного к кочевому типу хозяйства.

Культура Устюрта VII—VIII вв. характеризуется сохранением мощнейшего сармато-аланского пласта и может быть определена как аланская. В этой связи напомним, что Беруни писал о поселениях аланов в обширном районе Устюрта — Мангышлака¹⁵. О расселении аланов на Устюрте свидетельствуют и данные топонимики. Имя алан сохранилось в названии развалин укрепления Аланкала на северо-западе Барсакельмеса. С. П. Толстов, впервые обследовавший его, пишет, что оно было построено в стране устюртских аланов¹⁶. Этноним «алан» вошел составным элементом еще в ряд устюртских топонимов (напр., «кара-алан»).

Средневековые археологические памятники. На Устюрте и до наших работ было известно довольно много средневековых памятников. Поэтому первоначально планировались лишь небольшие исследования для уточнения некоторых неясных вопросов в отношении этой категории археологических объектов. Но первые же результаты наших работ показали недостаточную аргументированность многих исторических гипотез, построенных на основе предварительного обследования средневековых памятников района. Это заставило нас пересмотреть первоначальные планы и развернуть изучение указанных объектов в более широком плане.

За пять лет обследовано 27 средневековых памятников, из них 11 открыты нами. На 11 объектах проведены полные или частичные раскопки. Установлено, что все памятники — хорезмийские, афригидо-саманидского, хорезмшахского и хорезмийско-джучидского (золотоордынского) периодов.

Исследование позволило признать не соответствующей новым археологическим фактам гипотезу о том, что на границах средневекового Хорезма по Восточному чинку Устюрта была воздвигнута цепь военных укреплений, прикрывавших Хорезм со стороны степи, и сторожевых башен, служивших также своего рода системой передачи световых сигналов от границ Хорезма к его столице — Гурганджу. На этой основе строилась и гипотеза о характере взаимоотношений средневекового Хорезма с кочевым гузским миром¹⁷.

Полное обследование, картирование и раскопки средневековых памятников Восточного чинка показали, что из имеющихся здесь десятки городищ только одно можно определить как остатки военной крепости. Остальные были своеобразными караван-сараями, хорезмийскими торговыми факториями, где осуществлялся торговый обмен оседлоземледельческого Хорезма с кочевой степью. В этом отношении показательны многочисленные находки лепной гузской керамики в культурных слоях хорезмийских факторий на Восточном чинке совместно с собственно хорезмийской керамикой.

¹⁴ Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, VII, М., 1971, стр. 76.

¹⁵ С. Волин. К истории древнего Хорезма, стр. 194.

¹⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 49.

¹⁷ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 249 и след.

Не существовало и единой системы передачи световых сигналов. Башни на Восточном чинке разновременны, не просматриваются одна с другой и не составляют единой системы. Функции их, очевидно, были разные (ориентеры для торговых караванов, ориентеры, показывающие расположение хорезмийских городов, и т. д.) В целом средневековые памятники Восточного чинка Устюрта, безусловно, образуют систему, но не оборонительную и не сигнальную, а государственную систему экономического обмена между кочевой степью и оседлоземледельческим Хорезмом.

Естественно, что подобная интерпретация средневековых памятников Восточного чинка Устюрта заставляет совершенно по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений Хорезма и кочевой гузской степи. Видимо, надо признать, что антагонизм между ними был сильно преувеличен.

Изучение кердерской культуры. В плане исследований культуры раннесредневекового владения Кердер в 1971—1973 гг. продолжалось стационарное изучение кердерского поселения Курганча, начатое еще в 1965 г. Поселение было определено как эталонное для культуры Кердера в целом. Сейчас можно говорить о завершении первого этапа научного изучения этого памятника. Разработаны вопросы его топографии, стратиграфии и хронологии, установлена внутренняя структура, определены основные этапы его сложения.

Стратиграфическими наблюдениями и анализом нумизматических данных установлено, что поселение возникает в конце VII в. и запустевает в середине VIII в. н. э.¹⁸ В этих хронологических рамках удалось выделить ранний период развития памятника (конец VII—начало VIII в.) и поздний период (I половина — середина VIII в.).

На материалах кердерской культуры в целом продолжалось изучение политической истории Кердера. На основе нумизматических данных установлено несколько имен правителей Кердера, чеканивших собственную монету. Это, например, Хусрав, монетные эмиссии которого датируются периодом конца VII—начала VIII в. (до 712 г.), одновременно с хорезмийским чеканом Азакцвара-Чегана, именуемого в источниках «хорезмшахом». По отношению к нему владельцы Кердера выступали в роли удельных правителей. Кердерский чекан продолжался и в середине VIII в., для которого выделены монеты так называемого «чекана по типу Савашфана». Имя чеканившего их кердерского правителя неизвестно, во всяком случае, в монетных легендах его нет. Правил он одновременно с хорезмшахом Савашфаном, в традициях чекана которого и выпускал собственные монеты¹⁹.

Продолжалось и этногенетическое изучение культуры Кердера. Установлены ее генетическая зависимость от джетысарской культуры низовьев Сырдарьи и сохранение в ней сильных сармато-аланских традиций. Вопрос о ее этническом определении на позднем этапе развития исследован уже довольно полно, и культуру Кердера того периода можно с достаточным основанием связывать с огузским этносом²⁰. Что касается раннего этапа развития этой культуры, то пока в качестве чисто рабочей гипотезы нами принята версия, связывающая ранний

¹⁸ В. Н. Ягодин. Кердерское поселение Курганча..., стр. 42.

¹⁹ Б. И. Вайсберг. Удельный чекан раннесредневекового Кердера, Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера, Ташкент, 1973.

²⁰ В. Н. Ягодин. Об этническом определении Кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков, Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1971, № 3.

Кердер с народом курданов древнетюркских орхоно-енисейских надписей (12-я строка надписи Тоньюкука)²¹.

Продолжались исследования этногенетических связей кердерской культуры с современными тюркоязычными народами и поиски следов населения Кердера в эпоху средневековья. Удалось установить, что оно не уходит полностью с исторической арены после исчезновения владения и области Кердер. В золотоордынскую эпоху, например, курданы (кердеры?) обитают в Волжской Булгарии. Так, из Волжской Булгарии происходит Махмуд бин Али ас-Саран, автор известного сочинения «Нахдж ал-Фарадис»²², написанного на огузо-кипчакском языке, в котором сохраняется много архаических элементов в фонетике, лексике и морфологии. Эти элементы некоторые лингвисты возводят к языку населения Кердера²³, которое, по свидетельству Якута, говорило на языке «не хорезмийском и не тюркском»²⁴. В конце рукописи автор пишет, что по происхождению он из Булгара, «по рождению Кердери»²⁵.

И, наконец, этнонимы кердерли, кердери и кердер, сохранившиеся до наших дней в родоплеменной номенклатуре казанских татар²⁶, казахов²⁷ и каракалпаков²⁸, позволяют считать, что раннесредневековые кердеры влились в качестве отдельных этнических компонентов в состав этих народов.

В текущей пятилетке археологические изыскания в указанном районе получат дальнейшее развитие и, несомненно, приведут к выявлению нового ценного материала и более глубокому пониманию исторического прошлого этого обширного ареала.

В. Н. Ягодин

УСТЮРТ ВА ОРОЛ БЎЙИ ДЕЛЬТАСИ

(1971—1975 йилларда олиб борилган баъзи бир археологик изланишлар натижалари)

ЎзССР ФА Қорақалпоқ филиали археологларининг Устюрт ва Орол бўйи дельтаси районлари тарихий ёдгорликларини ўрганишда тўққизинчи беш йилликда ўтказилган асосий иш натижалари ёритилди.

²¹ П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. XII, вып. II—III, СПб, 1899, стр. 142.

²² Э. Н. Наджиб. О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке. Советская тюркология, 1971, № 6.

²³ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 103—105.

²⁴ Якут. Книга муджам ал булдуи, Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 431.

²⁵ Э. Н. Наджиб. Указ. статья, стр. 62.

²⁶ Г. В. Юсупов. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Казань, 1971, стр. 222.

²⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, стр. 83.

²⁸ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. I, М., 1952, стр. 479.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УзССР

(На материалах Ташкентской области)

В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «коммунистическое воспитание предполагает постоянное совершенствование системы народного образования и профессиональной подготовки. Это особенно важно сейчас, в условиях научно-технической революции. Она придает иной, чем прежде, характер труду, а стало быть, и подготовке человека к труду. Мы многое делаем в этом отношении»¹.

Значительные успехи в развитии советской системы школьного образования были достигнуты уже в период 1959—1970 гг. — улучшилось политехническое обучение в школах, укрепилась его связь с жизнью, значительно упрочилась материально-техническая база, на новую ступень поднялась учебно-воспитательная работа.

Большую роль в этом сыграл принятый в декабре 1958 г. Верховным Советом СССР Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»². В начале 1959 г. аналогичный Закон был утвержден Верховным Советом УзССР. Он положил в основу деятельности всех органов народного образования принцип сочетания обучения с трудом на производстве.

Вскоре состоялись областные и городские партийные конференции и сессии городских, районных и сельских Советов, на которых обсуждались вопросы, связанные с перестройкой системы школьного образования в соответствии с новым Законом, дальнейшим улучшением обучения и воспитания молодежи в коммунистическом духе, приближением школы к жизни.

Министерство просвещения УзССР совместно с работниками народного образования разработали новые учебные планы для 11-летней и 8-летней школ с производственным обучением.

Партийные и советские организации, органы народного образования сумели в короткий срок добиться определенных успехов в осуществлении Закона об укреплении связи школы с жизнью. Это ярко видно на примере Ташкентской области. Так, уже в 1959 г. здесь было создано 356 ученических производственных бригад, объединявших 13 804 учащихся. В 1960 г. из 238 средних школ области 113 были реорганизованы в средние трудовые политехнические школы с производственным обучением. В них было создано 148 девятых классов с 3061 учащимся (в том числе 1258 девочек) и 37 десятых классов с 711 учащимися (в том числе 272 девочки).

Производственное обучение велось по профессиям, связанным с промышленностью, сельским хозяйством, просвещением, медициной, торговлей и т. д., — всего по 140 различным специальностям. За всеми школами с производственным обучением были закреплены базовые промышленные и сельскохозяйственные предприятия, определены профили обучения, подобраны кадры специалистов соответствующей квалификации.

Хорошо было поставлено производственное обучение в школах Бекабада, где все средние школы были реорганизованы в соответствии с Законом, и выпускники вместе с аттестатами зрелости получали удостоверения о присвоении им производственных специальностей. Для изучения, обобщения и распространения передового опыта бекабадцев было проведено I республиканское совещание работников народного образования по вопросам политехнического обучения и трудового воспитания учащихся.

Неплохо было налажено производственное обучение в школах Ташкента, Чирчика, Алмалыка и других городов и районов Ташкентской области. Например, в школе № 13 г. Чирчика производственное обучение велось на базе завода тугоплавких и жаростойких сплавов. Учащиеся выполняли задания по заказам завода. При школе имелась хорошо оборудованная хозрасчетная мастерская. В школе № 2 г. Алмалыка производ-

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, стр. 77.

² Правда, 3 декабря 1958 г.

ственное обучение осуществлялось на базе ЦРМЗ, где за учащимися были закреплены рабочие места, и они выполняли задания, рассчитанные на квалифицированных рабочих. При школе имелась производственная ученическая бригада по изготовлению мебели. В школе № 21 им. Калинина Сырдарьинского района производственное обучение шло на базе опытного хозяйства совхоза «Малик» и Среднеазиатской машино-испытательной станции Министерства сельского хозяйства СССР. Здесь готовились механизаторы для сельского хозяйства. В школе была создана производственная ученическая бригада, которая посеяла хлопчатник на площади 30 га и получила урожай по 27 ц/га.

22 июня 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О школьном строительстве и мерах по укреплению материальной базы школ»³, которое способствовало развитию школьной сети по всей стране, в том числе в Узбекистане.

Осенью 1960 г. IV Пленум ЦК КПУ обсудил вопрос «О ходе выполнения Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Узбекской ССР». На Пленуме были отмечены достигнутые успехи, и вместе с тем вскрыты недостатки, допущенные на местах в этом важном деле. Пленум потребовал от партийных и советских органов принять решительные меры к неуклонному выполнению Закона и добиться дальнейшего улучшения всей учебно-воспитательной работы в школах.

Много внимания уделялось расширению школьной сети, укреплению материальной базы народного образования. Так, в первой половине 60-х годов в городах и районных центрах Ташкентской области был сооружен ряд новых школьных зданий. Четырехэтажная школа более чем на 800 мест появилась, например, в поселке чирчикских химиков. Здесь имелись не только учебные помещения, но и хорошо оборудованные спортивный и актовый залы, библиотека, столовая, мастерские, биологический, физический, химический кабинеты⁴. Только в 1964 г. в области за счет государства было построено 16 школ на 13 800 мест, а на средства колхозов — школы на 2970 мест⁵.

Предметом особой заботы было создание школ-интернатов. Например, в 1961 г. в Алмалыке открылась школа-интернат на 920 мест. В Ташкенте, в районе Юнус-Абада, в конце 1961 г. была сдана в эксплуатацию школа-интернат № 6. Этот школьный городок состоял из комплекса капитальных зданий, включавших два общежития на 600 мест, учебные помещения со спортивным залом, производственные мастерские, лаборатории, столовую. На территории интерната были оборудованы водный бассейн, летний душ, футбольное поле, баскетбольная площадка⁶.

Уже к началу 1961 г. в Ташкентской области насчитывалось 27 школ-интернатов с 10 900 учащихся⁷. Преимущественным правом поступления в школы-интернаты пользовались сироты и дети инвалидов Отечественной войны и труда.

Из года в год рос общий контингент учащихся. Если в 1961 г. в 1303 школах Ташкентской области обучалось 280 тыс. человек (на 20 тыс. больше, чем в 1960 г.), то в 1965 г. — уже 542 тыс. человек⁸.

XXIII съезд КПСС обратил самое серьезное внимание на развитие общеобразовательной школы, поставив задачу — завершить введение всеобщего среднего образования в стране. В этой связи съезд указал партийным и советским организациям на необходимость дальнейшего укрепления материальной базы школ, оснащения их современным оборудованием.

Решения съезда по вопросам школьного строительства были конкретизированы и развиты в последующих постановлениях партии и правительства. Большое значение, в частности, имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы»⁹.

2 августа 1966 г. было опубликовано постановление ЦК КПУ и Совета Министров УзССР «О мерах по дальнейшему улучшению работы общеобразовательной школы Узбекской ССР», а вскоре очередная сессия Верховного Совета УзССР рассмотрела вопрос «О мерах дальнейшего улучшения работы школ республики в свете решений XXIII съезда КПСС»¹⁰.

В соответствии с решениями XXIII съезда КПСС и последующими постановлениями партии и правительства была проделана значительная работа по укреплению материальной базы школ и улучшению всего учебно-воспитательного процесса.

Только в Ташкенте за годы восьмой пятилетки было построено новых школ на 80 тыс. ученических мест. Новые школьные помещения появились в Чирчике, Бекабаде и ряде сельских районов области. Уже на 1 сентября 1967 г. были завершены строи-

³ Правда, 22 июня 1960 г.

⁴ Кзыл Узбекистан, 19 апреля 1960 г.

⁵ Тошкент хакикати, 9 февраля 1965 г.

⁶ Правда Востока, 11 октября 1961 г.

⁷ Тошкент хакикати, 5 февраля 1963 г.

⁸ Ташкентская правда, 1 ноября 1961; Тошкент хакикати, 9 февраля 1965 г.

⁹ Справочник партийного работника, вып. 7, М., 1967, стр. 280.

¹⁰ Правда Востока, 25 августа 1966 г.

тельство школ и пристройка новых классных комнат на 13 128 ученических мест¹¹. В 1967/68 учебном году в школах области появилось более 100 новых учебных кабинетов с соответствующим оборудованием.

Много внимания уделялось и ремонту школьных зданий. Так, к началу 1967/68 уч. г. в области было отремонтировано 772 школьных помещения. В подготовке школ к новому учебному году активно участвовали предприятия, колхозы, совхозы и широкая общественность.

К началу 1970/71 уч. г. в целом по области, включая г. Ташкент, насчитывалось 1276 общеобразовательных школ всех видов, где обучалось 688,8 тыс. человек¹².

Существенными изменениями в системе общеобразовательной школы в годы восьмой пятилетки стали реорганизация 11-летних школ в 10-летние, а также отмена Указом Президиума Верховного Совета СССР обязательной профессиональной подготовки в общеобразовательных школах.

Во второй половине 60-х годов многое было сделано и в области совершенствования учебной работы в школах. Усилилось внимание к изучению иностранных языков, а также русского языка, как средства межнационального общения; улучшалась деятельность школьных кабинетов, предметных кружков и т. д. Только за 8 месяцев 1967 с. школам Ташкентской области было отпущено различных учебно-наглядных пособий на 560 тыс. руб.

В классной и внеклассной работе все шире применялись технические средства — киноаппараты, магнитофоны, телевизоры и т. д. Только фильмотека Ташкентского областного института усовершенствования учителей насчитывала свыше 300 учебных фильмов, которыми пользовались более 200 школ области. Свои фильмотеки организовали и городские отделы народного образования (в частности, Ташкентский, Алмалыкский и Чирчикский). Во внедрении наглядных приемов обучения большую помощь школам оказали Министерство просвещения УзССР и ТашоблОНО. В результате, например, к началу 1967 г. в школах Ташкентской области насчитывалось 274 киноаппарата, 196 радиоузлов, 94 диапроектора, 484 фильмоскопа, 327 эпидиаскопов, которые с успехом применялись в учебной работе.

Повышалась и роль преподавания общественных дисциплин в школах — истории, обществоведения и др.

Партийные организации, Министерство просвещения УзССР, отделы народного образования всемерно совершенствовали формы, методы, средства, приемы коммунистического воспитания учащейся молодежи. В этих целях широко использовались комсомольские собрания, пионерские сборы, утренники, посвященные отдельным республикам Страны Советов, празднование юбилейных дат, экскурсии и походы по родному краю, переписка и обмен материалами между учащимися различных городов как СССР, так и зарубежных стран, организация фестивалей дружбы, поездов дружбы, уголков интернациональной дружбы и др.

В связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в школах создавались музеи, комнаты, уголки В. И. Ленина. Большое значение придавалось воспитанию школьников на славных революционных, боевых и трудовых традициях — устанавливались контакты с рабочими коллективами, членами бригад коммунистического труда, ветеранами войны; практиковались отчеты пионерских организаций ряда школ перед коллективами промышленных предприятий. Школьники подбирали необходимые материалы и создавали уголки боевой славы, стенды, посвященные отдельным революционным событиям.

Улучшение учебно-воспитательной работы вело к сокращению второгодничества и повышению успеваемости учащихся. Так, в первом полугодии 1966/67 уч. г. по сравнению с первым полугодием 1965/66 уч. г. количество неуспевающих в школах Ташкентской области сократилось на 1962 человека, а учащихся, получивших оценки «хорошо» и «отлично», — увеличилось на 12 тыс.¹³ Если в 1966/67 уч. г. успеваемость в школах области составляла 94,3%, то в 1968/69 уч. г. — 95,7%. В 1968/69 уч. г. среднее образование по всем каналам получили 86,1% окончивших восьмые классы. В отдельных городах и районах области этот показатель был еще выше, в частности в Чирчике — 95,9%, Янгйюле — 94,7, Ангрене — 92, в Бекабадском районе — 90,7% и т. д.¹⁴

Усиление в развитии народного образования находит в прямой зависимости от уровня квалификации и качества работы педагогических кадров, подготовке которых партия и правительство уделяют неослабное внимание. В частности, педагогические кадры для школ Ташкентской области готовятся в высших учебных заведениях Ташкента, Самарканда и других городов республики, причем наибольшее число их подготовлено в ТашГУ им. В. И. Ленина и ТашГПИ им. Низами. В 1967 г. открылся

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-652, оп. 1а, д. 2321, л. 27.

¹² Узбекистан за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1976, стр. 194, 219.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-652, оп. 1а, д. 2321, л. 129.

¹⁴ Там же, оп. 10, д. 594, л. 54.

областной педагогический институт в г. Ангрене, давший первый свой выпуск в 1971 г. Ведущим педагогическим учебным заведением был и остается Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами, выпустивший к началу 1970 г. более 40 тыс. учителей.

В 1965/66 уч. г. в средних школах Ташкентской области работали 17 764 учителя, из них 8399 с высшим образованием и более 3500 заочников высших учебных заведений¹⁵, тогда как в 1959/60 уч. г. здесь имелось 14 523 учителя, из них 5260 — с высшим образованием. Только в 1966/67 уч. г. в школы области прибыло 180 учителей с высшим и 251 — со средним специальным образованием.

Учитывая растущую потребность школ в квалифицированных учительских кадрах, Министерство просвещения УзССР и отделы народного образования уделяли серьезное внимание дальнейшему расширению подготовки учителей и повышению их квалификации. Значительная часть педагогов занималась в центральных и областных институтах усовершенствования учителей и на курсах, созданных при отдельных крупных школах. Например, в 1960 г. в Ташкентской области 1584 человека прошли курсы усовершенствования учителей при облОНО, 428 человек — в Республиканском институте усовершенствования учителей, а более 2600 человек занимались заочно в вузах и техникумах. В середине 60-х годов ежегодно повышали свою квалификацию свыше 3 тыс. учителей. В 1968 г. в Ташкентской области курсы переподготовки закончили более 5400 учителей. По указанию Министерства просвещения УзССР были организованы годовичные курсы по подготовке учителей русского языка для начальных школ, на которые было принято 170 человек. Для повышения квалификации педагогических кадров проводились и семинары в районном, городском и областном масштабах, где учителя обменивались опытом своей работы.

В середине 60-х годов стали проводиться педагогические чтения для внедрения опыта работы лучших педагогов. Такие чтения состоялись, в частности, в августе 1966 г. и в январе 1967 г. в районах и городах области, где с докладами выступили более 800 учителей и руководителей школ. 334 лучших доклада о передовом опыте работы учителей были представлены для областных и 92 — для республиканских педагогических чтений. Целям обмена опытом работы служили и занятия курсовых методических объединений, проводившиеся во всех районах и городах области.

Повышение педагогического мастерства благотворно сказывалось на качестве работы учителей. Так, в Ташкентской области в 1962/63 уч. г. добились полной успеваемости школьников 1048, а в 1967 г. — 1980 учителей. Увеличилось и число выпускников школ, получивших аттестаты зрелости с отличием. В 1964 г. их стало в пять раз больше, чем в 1962 г.

В годы девятой пятилетки накопленный в предшествующий период положительный опыт развития народного образования был значительно приумножен, и ныне творческое освоение и все более широкое распространение его служат важным фактором дальнейшего повышения эффективности и качества школьного образования, всей учебно-воспитательной работы, нацеленной в конечном счете на формирование подрастающего поколения активных, сознательных строителей коммунизма.

Ф. Г. Якубова

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-652, оп. 1а, д. 2321, л. 144.

А. С. ПУШКИН О ПОХОДЕ БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО В ХИВУ

Известно, что многими героями произведений А. С. Пушкина являются исторические личности, в образе которых воплощены не только черты конкретных лиц, но и целые страницы истории народов России.

Глубокие знания и пронизательный ум позволили великому поэту реально показать сущность и прогрессивные последствия преобразований Петра I. События петровского времени воссозданы А. С. Пушкиным по архивным материалам и воспоминаниям современников, прошедшим через творческое восприятие писателя.

Изучая произведения А. С. Пушкина, мы черпаем из них и очень интересные данные о Средней Азии.

«Сибирский губернатор князь Гагарин, — читаем мы, например, в «Истории Петра», — донес о золотом песке, находимом в Малой Бухарии, в калмыцком владении при городе Эркети...»¹

О сем Петр сообщил бывшему тогда в Петербурге хивинскому посланнику. Сей подтвердил тобольские известия и прибавил, что при реке Амударье находится таковой

¹ Город Яркенд (в русских источниках — Эркетъ, Иркетъ, Иркень), расположенный в так называемом Восточном Туркестане, в начале XVIII в. подчинился бухарскому хану.

же золотой песок в Большой Бухарии. Сие подало повод к исследованию той стороны, а со временем дало мысль о торговле с Индией².

Из поля зрения Пушкина-историка не выпали и торгово-экономические связи России с восточными государствами.

«...1716 год. Петр предписал поручику Кожину ехать на Каспийском море и сделать оному карту, осмотреть карты и описи Бековичевы...»

В Либаве к Петру явился князь Черкасский-Бекович. Он был в 1714 году послан в Астрахань и на Каспийском море для разведования о золотом песке, находящемся в Амударье.

...Петр отослал гвардии капитана Бековича в Хиву, прикомандировав к нему поручика Кожина (главная цель была открытие водяного пути в Индию)³.

Здесь уместно отметить, что в 1952 г. ленинградским исследователями К. И. Шафрановскому и Е. Л. Княжецкой удалось обнаружить в хранилищах библиотеки АН СССР в Ленинграде подлинные карты экспедиции Бековича-Черкасского, составленные в 1715 г. Выполненные по всем правилам картографии того времени, они впервые дали очень близкое к реальности описание восточного берега Каспийского моря⁴.

«...1717 г. Петр писал к Бековичу (уже умершлвенному) о пути в Индию и возвращении знающего человека в Бухарию через Китай...»⁵

«...1718 год. Между тем поручик Кожин прибыл из Астрахани с известием (?) о гибели Бековича. Петр отдал его под суд за ослушание. Кожин объявил в своем оправдании, что из Каспийского моря в реку Аму-Дарью нет исхода. Для сего Петр остановил суд (из любопытства) и послал его же, Кожина, с флото-поручиком кн. Василием Урусовым исследовать сие (это) на месте.

Неверность тогдашних географических сведений была главною причиною гибели Бековича. Петр послал его удостовериться, точно ли река Аму-Дарья имела прежде течение в Каспийское море, но отведена бухарцами в Аральское море. Также слухи о золотом песке прельщали корыстолюбивую душу государя. Более достойно его генерия было найти путь в Индию для нашей торговли. К несчастью, Бекович был легковерен, упрям, несведущ, и предприятие великое с ним вместе поггло⁶.

Далее А. С. Пушкин отмечает, что хивинский хан Ширгази хитростью заманил Бековича-Черкасского «будто бы на переговоры... Все россияне были захвачены и умерщвлены... Хан хивинский послал к хану бухарскому голову несчастного Бековича, хвалясь, что избавил себя и своего соседа от опасного врага. Бухарский хан, пользуясь плодами его коварства, изъявил негодование и назвал Ширгази человекоядцем, чем угодил Петру...»

Как видим, А. С. Пушкин достаточно подробно описывает поход и гибель Бековича-Черкасского.

Данные исторической науки подтверждают приведенные им сведения и вместе с тем дополняют их, констатируя, что основной причиной гибели этой экспедиции было острое столкновение интересов турецкой и русской империй. Турецкие султаны стремились настроить отдельные среднеазиатские ханства и племена против России.

Но так или иначе, причины гибели экспедиции Бековича-Черкасского показаны А. С. Пушкиным весьма достоверно.

При этом в пушкинском переложении исторических событий ясно чувствуются индивидуальные писательские наблюдения. А. С. Пушкин очень тонко передал различные чувства, психологическое состояние исторических лиц. Он писал, например: «Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отомстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича»⁷.

Подобных примеров можно привести много. Они наглядно свидетельствуют о том, что бессмертное наследие А. С. Пушкина ярко иллюстрирует некоторые важные страницы из истории развития взаимосвязей России и Средней Азии.

К. Байниязов, Н. Алланиязов

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7, М., 1954, стр. 188—189.

³ Там же, стр. 202—203.

⁴ В. Б. Вилинбахов. Александр Черкасский — сподвижник Петра I, Нальчик, 1966, стр. 4, 36.

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 216.

⁶ Там же, стр. 222—223.

⁷ Там же.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ТРУД XII ВЕКА

Имя самаркандского законоведа, историка и филолога первой половины XII в. Наджм ад-дина Абу Хафса Омара ибн Мухаммеда ибн Ахмеда ан-Несефи хорошо известно историкам Средней Азии. Он родился (1068 г.) и получил образование в г. Не-

сефе (Нахшабе)¹, находившемся в домонгольское время в 16 км северо-западнее современного Карши, а основную часть жизни прожил в Самарканде, где и умер в 1142 г. Как указывает Хайр ад-дин аз-Зириккли, ан-Несефи принадлежит около 100 сочинений, преимущественно по законоведению и толкованию Корана². В их числе — 20-частная поэтическая антология и два труда по истории городов Средней Азии — Самарканда (в 20 частях) и Бухары. До нас дошло немногим более десятой части наследия ан-Несефи. Среди утерянных трудов оказались и обе его истории. Но одна из них, «Сахар об истории Самарканда», частично сохранилась в сокращенной таджикской редакции, принадлежащей ученику ан-Несефи Мухаммеду ибн Абдалджалиду ас-Самарканди³.

При просмотре неописанных арабских рукописей в собрании ИВ АН УзССР нами был обнаружен старый список объемистого труда ан-Несефи «Матла' ан-нуджум ва маджма' ал-улум» («Место восхождения звезд и средоточие наук»). Отсутствие упоминаний об этом труде в справочно-библиографической литературе, включая известную работу К. Брокельмана и свод Хаджи Халифы, а также во всех доступных нам каталогах арабских рукописей позволяет считать Ташкентский список уникальным.

Рукопись включает 357 листов форматом 33×27,5 см.; текст размещен по 31 строке на странице. На лицевой стороне каждого листа стоит вакуфная печать бухарского эмира Хайдара (1800—1826). Рукопись переписана в Самарканде последовательно тремя переписчиками, два из которых оставили свои записки в конце некоторых разделов книги. Один из них, Мухаммед ибн Хамид ибн Али, по прозвищу Шараф ал-Хамиди, переписывал рукопись до 21 раджба 765 г. х. (25 апреля 1364 г.)⁴. Другой, Мухаммед ибн Мухаммед ибн ал-Хусейн ал-Исмитани, был занят перепиской с 21 раджба 765 г. х.⁵ по 6 мухаррама 766 г. х. (3 октября 1364 г.)⁶. В записках переписчиков неоднократно указывается, что этот список — копия рукописи, переписанной со списка, продиктованного самим автором⁷.

Таким образом, перед нами — копия с копий записей лекций по различным отраслям знаний, которые читались, вернее диктовались, ан-Несефи его ученикам в Самарканде в 532 (1138) г. х., за 5 лет до его смерти. Среди мест, где читались эти лекции, упоминаются медресе Табгач-хана⁸, мечеть Сиккат ал-Бадни⁹ и др. Итак, данное сочинение ан-Несефи представляет собой ценный памятник, непосредственно отражающий местную самаркандскую педагогическую традицию, что уже представляет интерес для истории культуры Средней Азии.

Книга ан-Несефи энциклопедична по содержанию. Она состоит из 57 разделов. Из них первые два (л. IVб—2а) посвящены основам мусульманской веры. Третий (л. 2а—3а) раздел содержит перечень «заблуждающихся» сект; основной его источник — «Китаб ал-фарк мин ал-фирак» богослова и историка религии Абдалкахира ал-Багдади (ум. 1037 г.). В 4—7-м разделах (л. 3а—12б) говорится о моральных качествах, которыми должен обладать верующий.

Разделы 8—11 (л. 13а—33б) посвящены Корану. 12-й раздел (л. 34а—42а) — это введение в основы мусульманского законоведения, а в 13-м, центральном разделе, занимающем около 120 л. или треть книги (л. 42б—160а)¹⁰, подробно излагаются нормы мусульманского права в свете ханифитского толка. Законоведению посвящены и последующие пять разделов. Из них 14-й (л. 161б—167а) содержит учебные памятки и контрольно-проверочные вопросы, заимствованные из руководства Абу Абдаллаха ад-Дамгани (ум. 1085 г.) 15-й раздел (167а—168б) целиком занимает стихотворное изложение основ законоведения, составленное секретарем Саманидов Абу Мансуром Махмудом ибн Али ал-Мухаллаби; 16-й (л. 168б—171а) — еще два стихотворных трактата, первый из которых, составленный неким Мухаммедом ибн Мутаххаром ибн Убайдалфаридом, посвящен категориям родственных отношений, а второй, принадлежащий Али ибн Мухаммеду ан-Несеви, — правилам деления наследства. 17-й раздел отведен проблемам законоведения, по которым ханифитская школа расходится с другими юридическими школами, а 18-й — проблемам, в решении которых ханифиты опираются на критерий аналогии (*кйас*) без одобрения (*истихсан*) (л. 171а—177а).

¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 190, прим. 6.

² Хайр ад-дин аз-Зириккли. Ал-А'лам, т. 5, Каир, 1955, стр. 222.

³ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 60—61.

⁴ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1462, л. 160а. Ссылки даются по старой пагинации, первые 4 листа, не учтенных ею, мы обозначаем цифрами I—IV.

⁵ Там же, л. 225а.

⁶ Там же, л. 353б.

⁷ См., напр., запись на л. 214а.

⁸ Там же, л. 214а.

⁹ Там же, л. 225а.

¹⁰ Листы 160б—161а были оставлены пустыми и заняты записями читателей.

19-й раздел (л. 177а—179а) тематически связан как с законоведением, так и с филологией. В нем содержится толкования малоизвестных или многозначных слов и выражений из макал ал-Харири, понимание которых в обычном смысле недопустимо с точки зрения мусульманского права.

Разделы 20—24 (л. 179а—214а) относятся уже к области истории. Здесь последовательно освещаются хронология пророков, биография и родословная Мухаммеда, даётся полный перечень его сподвижников, а далее вкратце излагается история халифов до ар-Рашида би-л-тахи включительно. Затем приводятся родословные основателей ханфитской школы и виднейших ее представителей, а также филологов басрийской, куфийской и багдадской школ. Разделы 25—26 (л. 214а—249а) посвящены хадисам и проповедям.

Разделы 27 и 28 (л. 249а—258а) содержат образцы всех основных типов частных юридических документов и правила делопроизводства для судей.

Особый интерес для нас представляет 27-й раздел, содержащий формуляры всех типов обиходных в ту эпоху частных юридических документов, число которых, не считая вариантов, достигает 30. Это купчи, документы о расторжении сделки, о предварительной уплате за товар, об аренде, о предоставлении средств в оборот, о товариществе (т. е. совместном ведении дел), о разделе земельной собственности, о разделе наследства, различные типы мировых соглашений, документы о переводе долга, залоговые, брачные записи и бракоразводные документы, серия записей о различных видах освобождения рабов, дарственные и вакуфные записи, формуляр завещания.

По мнению специалистов по истории среднеазиатской дипломатии, данная подборка формуляров документов — самая ранняя для Средней Азии, что определяет ее роль как отправной точки для изучения дальнейшей эволюции делопроизводства в Средней Азии и важнейшего источника по истории мусульманской дипломатии в целом.

Весьма ценно то, что несмотря на присущую документам известную консервативность формы, статичность отдельных формулировок и общего их состава, мы замечаем в них местную специфику. В документах фигурируют топонимы («Согд-Самаркандский рынок»), тип монет («гитрифийские дирхемы»), меры объема, характерные для Мавераннахра. Специфично и введение в документы подтверждения языковой понимаемости их для юридических сторон, вроде: «И взяли они оба свидетелями над собой того, чье имя закреплено в конце сего (документа), после того, как он был прочтен им обим на языке, который оба они знают, и оба они подтвердили понимание его»¹¹.

Это подтверждает, что в домонгольский период делопроизводство в Средней Азии велось в основном на арабском языке, но составленные документы перед их подписанием читались людям, не знающим арабского, на их родном языке.

29-й раздел (л. 258а—262а) представляет собой оригинальный эпистолярный — образцы писем на все случаи жизни (50 образцов). 30-й раздел (л. 262а—266б) рекомендует выражения, в которых надлежит обращаться к султану, везиру, судьям, ученым и т. д.

Филологические разделы (31—43) занимают 48 л. рукописи (л. 266б—314а). Здесь мы находим подборки слов по семантическому признаку: заимствованные (без указания источника) из книги ас-Са'алиби «Фихх ал-луга», стихотворный перечень категорий имен женского рода, составленный филологом ал-Хусейном ибн Абдаллахом ан-Натизи ал-Исбахани (ум. 1106 г.), перечень форм ломаного множественного числа имен, сведения о спряжении глаголов и склонении имен со ссылками на то же имя ан-Натизи, специальные разделы о частицах, фонетике арабского языка, основах синтаксиса. Далее идут сводки метафор, списки имен, употребляемых в двойственном числе, с раскрытием обобщаемых ими парных понятий и т. п. Затем — отрывки из стихотворений сподвижников Мухаммеда, халифов, ученых, имамов и некоторых классиков поэзии.

Отдельный раздел занимает касыда ан-Несефи, адресованная его сыну. Она построена на принципе таджниса (созвучие слов) и осложнена тем, что каждый бейт начинается с новой буквы в порядке алфавита. Далее излагаются основы поэтики и метрики и приводится сборник пословиц, расположенных в алфавитном порядке первых букв начальных слов.

Разделы 44 и 45 (л. 314а—323б) занимают сонник и молитвенник. 46-й раздел (л. 323б—328а) посвящен юдицарной астрологии.

В 47-м разделе (л. 328а—333б) кратко, но четко изложены правила всех арифметических действий с целыми и дробными числами, а в 48-м разделе (л. 333б—338а) изложены «системы» гаданий по числам. Разделы 49 и 50 (л. 338а—342а) посвящены вопросам общей медицины и режиму питания. Сведения о полезности и вредности некоторых видов пищи заимствованы из неуказанного труда Абу Бекра ар-Рази.

¹¹ Там же, л. 249б.

Последние 7 разделов (л. 342а—355б), за исключением 52-го, отведены «скрытым» наукам — разным видам гадания. 52-й раздел (л. 342а—343а) содержит любопытные разрозненные наблюдения из жизни некоторых животных; он так и назван: «Мелочи из природы животных».

Книга ан-Несефи представляет интерес для изучения истории культуры домонгольского Согда прежде всего в двух отношениях: во-первых, она, будучи в большинстве своих разделов компиляцией, сохранила ряд уникальных сведений и материалов, а во-вторых, своей композицией, содержанием и языком она отражает глубокие процессы, происходившие в культурной среде Согда первой половины XII в., прежде всего — вытеснение арабского языка таджикским из сфер литературы, идеологии и делопроизводства.

Филологические разделы, в частности, посвященные поэтике и метрике, свидетельствуют об интенсивном развитии таджикских традиций в литературе (поэзии) и филологических науках. Сравнивая раздел о поэтике этой энциклопедии с тем же разделом среднеазиатской энциклопедии конца X в. «Мафатих ал-'улум» ал-Хорезми, можно заметить, что в последней перечень поэтических тропов, фигур и так называемых «достоинств и недостатков» выдержан в арабских системах Ибн ал-Му'таза и Кудамы ибн Джа'фара. Примеры там заимствованы преимущественно из доисламской поэзии, а также из классиков омейядского и аббасидского периодов. У ан-Несефи же круг категорий и фигур значительно расширен; пояснения к некоторым из них содержат указания на степень их распространения в таджикской (персидской) поэзии. Например: «К ним [категориям] относится и *ал-мусаммат*, а он часто наблюдается в стихотворениях *аджамов*» (л. 296б). Или: «К ним относится *ал-муламма*, а это — когда один бейт составлен по-арабски, а другой по-персидски» (л. 296б). И еще: «К ним относится *ал-мудалавва*, а это — чтобы чередовались разные размеры и персидские и арабские бейты», причем автор отмечает, что особого успеха в этом добились персидские (таджикские) поэты (л. 301б).

Хотя в поэтических примерах к категориям поэтики и метрики все еще преобладают арабские бейты, подавляющее большинство их взято из произведений среднеазиатских авторов, прежде всего самого ан-Несефи (свыше 200 цитат), а также Абу-л-Фатха ал-Бустни, Ибн Мутрана аш-Шаши, Абу Бекра ал-Хорезми и др. Наряду с арабскими бейтами, часто приводятся примеры и из таджикской поэзии, прежде всего из произведений самого ан-Несефи, а также Унсурни, Дакини и др. Цитаты из классиков арабской поэзии крайне редки (менее 10% всех примеров). Это единичные бейты из произведений Абу Нуваса, Абу-л-Атахи, ал-Бухтури, Ибн ал-Му'таза, Абу Фираса и ал-Мутанабби. Примеров из доисламской поэзии нам пока обнаружить не удалось.

Среднеазиатская специфика памятника отчетливо видна и в разделе о поэзии (раздел 39, л. 289б—290а), где сосредоточены образцы поэтического творчества поэтов различных времен. Здесь мы находим имена малоизвестных или неизвестных среднеазиатских поэтов — Абу Бекра ал-Варрака ат-Тирмизи, Абу-л-Хасана ал-Аллаби ал-Балхи, Абу-л-Аббаса ас-Сагани, уроженцев Келеса Абу Бекра Мухаммеда ибн Мухаммеда ибн Насра ал-Каласи и его брата Ахмеда ал-Каласи, а также большую группу поэтов из Несефа (Абу Наср Ахмед ибн Мухаммед ал-Гувайдидини ан-Несефи, Абу Ахмед ал-Катиб ан-Несефи, Абу-л-Фаварис Абдалмелик ибн ал-Хусейн ан-Несефи, ал-Кадри ал-Бадри ан-Несефи, Абу Мухаммед ал-Амири ан-Несефи, Абу Наср ар-Рахиби ан-Несефи и Абу Мухаммед Исма'ил ибн Мухаммед ан-Нухи ан-Несефи).

Уроженцев Несефи мы видим и в иснадах хадисов: Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мухаммед ал-Му'аддил ан-Несефи, Мухаммед ибн Дауд ан-Несефи, Абу Бекр Мухаммед ибн Ахмед ибн Мухаммед ан-Несефи, Йусуф ибн ал-Хусейн ибн Али ан-Несефи, Абу-л-Хусейн Мухаммед ибн Абдаррахим ан-Несефи.

Влияние таджикской культуры сказалось и на кратком фонетическом разделе книги. Автор выделяет те звуки арабского языка, которые не свойственны таджикскому, и, наоборот, звуки таджикского языка, отсутствующие в арабском. При этом в особый звук он выделяет сочетание *خو* (*ху*).

Энциклопедия ан-Несефи значительно расширяет наши представления об ее авторе как о филологе и литераторе. Особо следует отметить самостоятельный характер его раздела о поэтике. Широкая и детальная подача материала на базе большого количества примеров из собственных стихотворений и попытка рассмотрения этого материала в свете не только арабской, но и таджикской поэзии позволяют признать ан-Несефи одним из теоретиков арабской и одним из основоположников таджикской теории поэзии. Напомним при этом, что ан-Несефи был предшественником ас-Сахакки, знаменитого систематизатора арабской поэтики.

Весьма насыщен материал и раздел энциклопедии о пословицах. Возможно, что и он был составлен самостоятельно. Целая касыда — *муджаннаса* ан-Несефи, отрывки из других его касид и многочисленных стихотворений на арабском и таджикском языках подтверждают высокую оценку Якута заслуг ан-Несефи в поэзии.

Наконец, следует отметить, что значительный интерес для историков Средней Азии представляют некоторые записи читателей на полях и свободных листах рукописи. В частности, одна из них содержит ценную деталь к биографии Улугбека.

Ранее оставалась неизвестной дата рокового сражения Улугбека с его мятежным сыном Абдаллатифом, закончившегося победой последнего и предreshившего гибель Улугбека. Источники сообщали только год и месяц сражения. Запись неизвестного читателя¹² указывает не только день сражения, но и время суток. Запись эта гласит (л. 160б): «Было бегство султана Улугбека Гурагана от его сына царевича Абдаллатифа, и был захват тем Самарканда в полднеутреннее время в пятницу двадцать восьмого ша'бана, случившегося в восемьсот пятьдесят третьем году¹³, близ селения Хиндуван, близ Самаркандского Димшика».

Теперь мы знаем, что Улугбек, утративший власть после этого сражения, прожил затем всего 8 дней, а не месяц или более, как можно было полагать ранее. Следовательно, убийство его было первоочередной, спешной акцией Абдаллатифа, лицемерно гарантировавшего отцу жизнь.

Все сказанное позволяет отнести данный памятник к числу важных источников по истории и истории культуры Средней Азии домонгольского периода.

П. Г. Булгаков

¹² Почерк записи — ранний настилик, еще сохранивший следы округлости некоторых букв и по времени близкий к эпохе Улугбека.

¹³ Т. е. 17 октября 1449 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВАЖНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Одним из решающих факторов победы социализма в Узбекистане явилась всесторонняя бескорыстная помощь великого русского и других братских народов нашей страны. Она сыграла важнейшую роль в преодолении унаследованной от феодально-колониального прошлого социально-экономической, политической и культурной отсталости узбекского народа, в успешном переходе его к социализму, минуя капитализм.

Этому важному аспекту некапиталистического пути развития Узбекистана посвятил свою книгу Б. Л. Оронюк¹. В ней освещены формы, содержание и значение помощи союзного Советского государства узбекскому народу на одном из важнейших этапов социалистического строительства — в годы создания фундамента социалистической экономики. Исследование базируется на добротной источниковедческой базе — автор широко привлек данные партийных и государственных архивов, а также периодической печати тех лет.

Выявленный, проанализированный и обобщенный автором материал равномерно распределен между двумя главами работы, посвященными помощи трудящихся Советской России в индустриальном развитии и социалистическом переустройстве сельского хозяйства Узбекистана. Автор показал, как, руководствуясь ленинской теорией некапиталистического развития, имевшей глубокий интернациональный смысл, Коммунистическая партия и Советское государство последовательно и планомерно содействовали успешному переходу ранее отсталых народов страны к социализму. В книге удачно раскрыта действенная помощь передовых районов Союза в создании тяжелой индустрии, развитии легкой промышленности и транспорта, формировании национального рабочего класса в Узбекистане. Оценка разительных перемен в промышленном облике бывшей аграрно-колониальной окраины царской России дана в книге языком партийного документа — VI съезд Компартии Узбекистана (1934 г.) указал, что «такой огромный скачок вперед за сравнительно короткий срок явился возможным только в результате прямой и активной помощи авангарда революции — союзного пролетариата, в результате большевистского руководства партии и ее ленинского ЦК».

Правота этого положения раскрывается и при освещении братского сотрудничества и взаимопомощи в сфере социалистических аграрных преобразований. Исследователь справедливо утверждает, что если колхозное движение вообще нуждалось в непосредственной пролетарской помощи, то эта помощь была особенно необходимой в Узбекистане, где собственные пролетарские кадры были малочисленными и слабо организованными, и бедняцко-середняцкие массы дехканства могли преодолеть все трудности лишь при активной помощи и руководстве со стороны союзного пролетариата. Подкрепляя эту мысль, автор приводит множество обобщенных данных, характеризующих разнообразие братской помощи Центра в создании предпосылок социалистического преобразования отсталого сельского хозяйства, развитии ирригации и реконструкции материально-технической базы хлопководства.

Исследователь высоко оценивает создание и деятельность Главхлопкома, оказавшего огромную помощь в развитии хлопководства в УзССР. Важнейшим стимулом подъема этой основной отрасли сельского хозяйства республики стало обеспечение дехкан продовольствием и промышленными товарами в централизованном порядке из общесоюзного фонда. Много внимания уделил автор и деятельности прибывших из центральных районов страны двадцатипяти тысячников, шефству рабочих промышленных центров над хлопководами, рассматривая его как одну из форм укрепления смычки между рабочим классом и трудовым дехканством.

¹ Б. Л. Оронюк. Помощь Советского государства Узбекистану в создании фундамента социалистической экономики. Ответственный редактор — доктор экономических наук, заслуженный деятель науки УзССР М. М. Кариев, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1975, 108 стр.

Условия и содержание экономической поддержки Советской Россией усилий трудящихся Узбекистана по созданию фундамента социалистической экономики Б. Л. Оронок справедливо связывает с использованием в рамках единого союзного государства возможности регулирования темпов социалистических преобразований в центре и на местах, перераспределения общесоюзных ресурсов в пользу отсталых народов с учетом общей эффективности размещения производительных сил. Неуклонно проводя политику выравнивания уровня экономического развития советских республик, Коммунистическая партия и Советское государство добивались сочетания общесоюзных и республиканских интересов в процессе создания и укрепления единого народно-хозяйственного комплекса страны.

Рецензируемая работа не лишена и отдельных недостатков. На наш взгляд, она значительно выиграла бы, если бы автор предположил изложение основного материала хотя бы сжатый обзор состояния народного хозяйства Узбекистана к началу первой пятилетки. Это позволило бы рельефнее отгнать роль и значение помощи Советского государства в подтягивании экономического развития Узбекистана до уровня передовых советских республик. В этой связи представляет определенный интерес показ механизма материально-технической и финансовой помощи Центра, внутренних условий республики, от которых зависела та или иная форма поддержки со стороны Советского государства. Содержащийся в книге научный материал не всегда убедительно раскрывает эти моменты.

Автор сосредоточил основное внимание на исследовании помощи Центра в развитии одной, хотя и главной отрасли сельского хозяйства республики — хлопководства. Между тем эта помощь была не менее значительной и на других участках сельскохозяйственного производства.

Но эти и некоторые другие недочеты не мешают нам дать общую положительную оценку рецензируемой книги. Мы надеемся, что вслед за нею появятся аналогичные исследования наших ученых и по другим периодам истории социалистического строительства в Узбекистане, расцвет которого за годы Советской власти во многом обусловлен братской помощью и сотрудничеством всех народов СССР.

Ф. Х. Касымов

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИОГРАФОВ

14—17 сентября 1976 г. в Калининне была проведена Всесоюзная конференция преподавателей историографии высших учебных заведений страны на тему «XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания истории исторической науки». В работе конференции участвовали ведущие ученые страны, представители различных национальных регионов, занимающиеся теоретическими вопросами историографии, преподаватели историографии университетов и пединститутов.

Работу конференции возглавила председатель научного Совета по проблеме «История исторической науки» при АН СССР, акад. М. В. Нечкина. Открывая конференцию, она отметила в своем вступительном слове, что за последнее время исследования по истории исторической науки приобретают широкий размах. Основные задачи советской историографии в свете решений XXV съезда КПСС заключаются в дальнейшей разработке методологических вопросов истории, расширении и углублении проблематики, коренном улучшении качества научных исследований.

На пленарном заседании участники конференции заслушали содержательные доклады члена-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко и доктора ист. наук А. М. Сахарова — «XXV съезд КПСС и задачи в области изучения и преподавания историографии», докторов ист. наук В. И. Касьяненко, В. С. Лельчука, В. П. Наумова, В. П. Цирстобитова — «Состояние изучения историографии советского общества на современном этапе», доктора ист. наук А. А. Искандерова — «XXV съезд КПСС и актуальные проблемы историографии всеобщей истории», доктора ист. наук В. И. Салова — «Разрядка напряженности, идеологическая борьба и буржуазная историография истории СССР».

В ходе работы конференции был обсужден ряд общих вопросов изучения историографии: о характере историографического введения в работах по истории СССР (доктор ист. наук Е. Н. Городецкий); проблема социальной функции исторической науки в современной буржуазной историографии (доктор ист. наук Б. Г. Могилиньский); предмет историографического исследования (канд. ист. наук Л. Н. Хмылев); о критериях историографических оценок (доктор ист. наук М. Е. Плотникова). С интересом был заслушан содержательный доклад доктора ист. наук В. П. Наумова «Современная советская историография Великой Октябрьской социалистической революции».

Далее работа конференции проходила по трем секциям: историографии советского общества; историографии истории СССР досоветского периода; историографии всеобщей истории.

На заседаниях секции историографии советского общества обсуждались вопросы современной историографии новой экономической политики; истории рабочего класса национальных районов РСФСР в переходный период; истории рабочего класса Сибири; распада буржуазной исторической науки в Советской России в 1917 — середине 20-х годов и др.

Подверглись рассмотрению также сложные теоретические вопросы, как ленинская критика мелкобуржуазной историографии Октябрьской революции (канд. ист. наук Г. Д. Алексеева); критика меньшевистской концепции истории Февральской революции в России (канд. ист. наук Т. А. Игнатенко); критика советскими историками троцкистской концепции истории России по материалам исторической периодики 20—30-х годов (канд. ист. наук А. И. Алаторцева) и др.

Плодотворно работала секция историографии истории СССР досоветского периода. Там были сделаны доклады канд. ист. наук О. В. Волобуева — «Основные этапы развития историографии истории первой русской революции»; доктора ист. наук А. Л. Шапиро — «Проблемы аграрной истории феодальной России в советской литературе», доктора ист. наук М. Т. Белявского — «Историография крестьянских войн в России», а также сообщения о новейшей советской историографии освободительного движения в

России; историография пореформенного движения российского крестьянства в 60—80-е годы XIX в.; о понятии «историческая школа» в историографии (на примере Петербургской школы русской истории); об идейной борьбе по проблемам русского освободительного движения XIX в. в историографии конца XIX — начала XX в.; о проблемах аграрной истории России XIX — начала XX в. в трудах В. И. Ленина.

В выступлениях были обсуждены как частные проблемы историографии СССР досоветского периода, так и конкретные вопросы практики преподавания этого раздела историографии.

Секция историографии всеобщей истории была представлена докладами доктора ист. наук А. О. Чубарьяна — «Некоторые проблемы истории международных отношений новейшего времени и зарубежная историография», доктора ист. наук Г. Н. Севастьянова — «Советская историография американской революции», доктора ист. наук Е. В. Гутновой — «Современные концепции буржуазной историографии истории антифеодалной борьбы крестьян в средние века» и др.

В сообщениях и прениях был обсужден ряд интересных вопросов, касающихся проблемы историзма национально-политической историографии Германии XIX в., традиций позитивизма в современной французской историографии античности, новых тенденций в английской историографии колониальных проблем, основных этапов развития японской историографии конца XIX — начала XX в. и др.

Большое внимание было уделено преподаванию историографии. Конкретных вопросов преподавания этой дисциплины касалось, в частности, сообщение канд. ист. наук Я. И. Дранинас «Соотношение истории исторической мысли и историографии в преподавании курса новой и новейшей истории».

Преподаватели историографии университетских и педагогических центров страны обменялись опытом своей работы. Были заслушаны интересные выступления о ленинской исторической концепции в курсе историографии истории СССР эпохи капитализма, об учебниках и учебных пособиях по историографии истории СССР советского и досоветского периода, а также историографии всеобщей истории, о построении спецкурсов и проведении: спецсеминаров по историографии и др.

Свое мнение по данным вопросам высказали, в частности, представители Киргизии — член-корр. АН КиргССР А. Х. Хасанов и канд. ист. наук А. Киркеева.

Канд. ист. наук Г. И. Желтоза (ТашУИИ) посвятила свое выступление преподаванию историографии Средней Азии в общем курсе историографии истории СССР. Об опыте написания дипломных работ по историографии на историческом факультете ТашУ им. В. И. Ленина рассказала канд. ист. наук Н. А. Аюкян.

Преподаватели историографии отмечали большой интерес студенчества к этой дисциплине, а также те трудности, которые стоят на пути эффективности преподавания и усвоения лекционных курсов по историографии. Это прежде всего недостаточное количество учебных пособий, отсутствие методических разработок и учебников по ряду разделов читаемых курсов. В рекомендациях конференции подчеркнута первоочередная необходимость создания соответствующей учебно-методической литературы.

Ведущие ученые-историографы указывали на значимость дальнейшего развития региональных историографий. Известно, что исследования в области истории исторической науки ведется во всех национальных республиках. Материал по региональной историографии излагается в общем курсе историографии истории СССР. Возникает вопрос о методе преподавания региональной историографии, ее месте и значении в общем курсе историографии истории СССР. Об этом говорили на конференции ряд преподавателей историографии национальных республик и областей.

На последнем пленарном заседании конференции были заслушаны обобщающие доклады председателей бюро трех секций — докторов ист. наук В. П. Наумова, А. М. Сахарова, Г. Н. Севастьянова, — которые подытожили работу секции. Затем с заключительным словом выступила акад. М. В. Нечкина. Конференция приняла ряд рекомендаций, направленных на дальнейшее развитие историографической науки и совершенствование преподавания историографии отечественной и всеобщей истории в вузах страны.

Н. А. Аюкян, Г. А. Желтоза

СОВЕЩАНИЕ ФИЛОСОФОВ УЗБЕКИСТАНА

14 июня 1976 г. в Ташкенте состоялось совещание философов Узбекистана, обсуждавшее итоги развития философской науки и научного коммунизма в республике после XXIV съезда партии и задачи этих отраслей общественных наук в свете исторических документов XXV съезда КПСС. В совещании приняли участие ведущие ученые-философы АН УзССР, преподаватели вузовских кафедр философии и научного коммунизма, руководители Министерства высшего и среднего специального образования и Министерства просвещения УзССР, представители журналов «Коммунист Узбекистана», «Партийная жизнь» и республиканских издательств.

Совещание открыл заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПУз П. К. Хабибуллаев. Первым с докладом «Философские науки в Узбекистане после XXIV съезда партии и их задачи в свете решений XXV съезда КПСС» выступил директор Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР, член-корр. АН УзССР М. М. Хайруллаев. Подчеркнув постоянное внимание партии к развитию философской науки, он подробно осветил итоги философских исследований, проведенных в годы 9-й пятилетки как в системе АН УзССР, так и работниками более 40 кафедр философии и научного коммунизма Узбекистана. Докладчик отметил, в частности, что за истекшее пятилетие философами республики опубликовано более 60 крупных монографий, сборников и учебных пособий, а также свыше 1300 статей по актуальным проблемам философии и практики коммунистического воспитания масс.

Значительно окрепли и кадры философской науки, среди которых около 47% имеют ученую степень кандидата или доктора философских наук. Только за годы 9-й пятилетки докторские диссертации по философии защитили 20, а кандидатские — 111 работников научно-исследовательских учреждений и вузов республики.

Характеризуя очередные задачи философов республики, докладчик особо отметил необходимость проведения комплексных исследований с участием представителей различных отраслей общественных наук, решения важных стыковых проблем, разрабатывания конкретно-социологических разработок, усиления критики современной буржуазной идеологии, антикоммунизма и ревизионизма всех мастей. Наряду с широкой разработкой актуальных проблем современности, серьезного внимания заслуживает и изучение культурного, в том числе философского, наследия прошлого.

Следует повысить требовательность к качеству диссертаций, особенно докторских, поднять общий уровень подготовки философских кадров.

Важное значение имеют усиление координации научных исследований, активизация роли в этом деле Института философии и права АН УзССР, отдела общественных наук МВССО УзССР, соответствующих проблемных и методических Советов. Дальнейшего совершенствования требует и планирование научно-исследовательской работы в области философских наук, особенно разработка комплексных планов по крупным философским проблемам.

Эти и другие актуальные вопросы состояния философской науки в вузах республики и ее кадров, задачи, стоящие перед философами Узбекистана на современном этапе, были конкретизированы и обстоятельно обсуждены в содокладах председателя научно-методической секции по философии МВССО УзССР, канд. филос. наук Х. Г. Расулева, председателя научно-методической секции по научному коммунизму МВССО УзССР, доктора ист. наук В. Ш. Багдасарова, а затем в выступлениях Министра высшего и среднего специального образования УзССР, члена-корр. АН УзССР Г. А. Абдурахманова, вице-президента АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедова, директора Института истории партии при ЦК КПУз, доктора филос. наук Э. Ю. Юсунова, директора ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина, доктора филос. наук С. П. Турсунмухамедова, доктора филос. наук, профессоров Р. Х. Абдушукурова (ИФП АН УзССР), А. А. Артыкова (ТашПИ), С. Б. Базарова (СамГУ), А. К. Валиева (ИФП АН УзССР), Х. П. Вахинова (Ташкентский театрально-художественный институт), Б. И. Исмаилова (кафедра философии АН УзССР), Д. Т. Туленова (ТашГПИ), А. Ф. Файзуллаева (ИФП АН УзССР), канд. филос. наук К. И. Ивановой (ТашГУ), а также директора Издательства «Узбекистан», канд. филос. наук Н. Г. Ганбова.

Во всех выступлениях красной нитью проходит мысль о том, что успешное развитие различных отраслей философской науки, эффективность и качество научных изысканий неразрывно связаны с проблемой всемерного совершенствования подготовки философских кадров и повышения их квалификации. Выступавшие товарищи акцентировали также внимание на необходимости улучшения координации научных исследований; укрепления взаимосвязей философов АН УзССР, вузов и других научно-исследовательских учреждений, творческих контактов деятелей философской науки с представителями других общественных, а также технических и естественных наук; всемерного развертывания коллективных исследований по ключевым, комплексным проблемам. Особое внимание было уделено повышению качества научных работ, публикации их на высоком идейно-теоретическом и научно-методическом уровне.

Подводя итоги совещания, заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПУз, проф. П. К. Хабибуллаев отметил, что в докладах и выступлениях ученых поднят ряд важных проблем, решение которых будет способствовать дальнейшему развитию философской науки в Узбекистане. П. К. Хабибуллаев призвал философов республики коллективными усилиями создавать фундаментальные труды по актуальным, особенно комплексным проблемам, тесно связанным с практикой коммунистического строительства; повышать эффективность и качество научных изысканий; укреплять творческие контакты с представителями других отраслей науки; усилить координацию научных изысканий, их планирование, решительно бороться с дублированием и параллелизмом, мелкотемьем и описательством; повысить требовательность к публикациям и диссертациям; активно участвовать в совершенствовании практики

идеологической работы в массах, коммунистического воспитания трудящихся. Следует уделять особое внимание совершенствованию всех форм подготовки и повышения квалификации научных кадров, прежде всего высшей квалификации, их идейной, марксистско-ленинской закалке. Только на этой основе будет обеспечено успешное решение тех ответственных задач, которые поставлены перед нашей философской наукой XXV съездом КПСС.

Б. И. Кнопов

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ПРОБЛЕМНОГО СОВЕТА ПО ЭКОНОМИКЕ ТРУДА

7—9 сентября 1976 г. в Ташкенте проходило заседание межведомственного проблемного Совета по экономике труда. Подготовленное и проведенное совместно со Среднеазиатским НИИ экономики сельского хозяйства, это заседание было посвящено теме «Экономические и социальные проблемы использования ресурсов труда в сельском хозяйстве УзССР».

В заседании Совета приняли участие видные экономисты-аграрники из Москвы, Узбекистана и других союзных республик. Заседание открыл и первым с докладом на тему «Результаты и задачи исследований по социально-экономическим вопросам использования рабочей силы в сельском хозяйстве» выступил председатель Совета, заместитель директора Всесоюзного НИИ экономики сельского хозяйства, доктор экон. наук В. Ф. Машенков.

В докладе был дан глубокий и всесторонний анализ социального развития советской деревни, показаны огромные сдвиги в повышении культурно-технического уровня и росте благосостояния тружеников села. Вместе с тем отмечалось, что в условиях быстрого развивающегося научно-технического прогресса в сельском хозяйстве не во всех еще районах страны уделяется должное внимание вопросам социально-экономического планирования, создания благоприятных условий труда и отдыха трудящихся, повышения их профессиональных знаний и на этой основе — улучшения использования рабочей силы, резкого повышения производительности сельскохозяйственного труда.

Эти вопросы были конкретизированы в различных аспектах в выступлениях канд. экон. наук В. Г. Глиняного (ВНИИЭСХ) — «Социально-экономические проблемы разработки и внедрения научно обоснованных норм труда в сельскохозяйственное производство», доктора экон. наук Р. Убайдуллаевой (ИЭ АН УзССР) — «Социально-экономические вопросы использования женского труда в сельском хозяйстве Узбекской ССР», канд. экон. наук М. Н. Богдарина (Поволжский филиал ВНИИЭСХ) — «Социально-экономические проблемы использования сельскохозяйственного труда в Поволжском экономическом районе», канд. мед. наук Ц. М. Осовецкой (Центр НОГ УзССР) — «Социальные проблемы закрепления механизаторских кадров», канд. экон. наук Н. Л. Копач (Сибирский НИИЭСХ) — «Социальные аспекты организации трудовых коллективов в сельскохозяйственных предприятиях», Э. М. Андрижанова (Центр НОТ УзССР) — «Социально-экономические особенности размещения и использования трудовых ресурсов в Сырдарьинской области».

Проблеме использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Узбекистана был посвящен обстоятельный доклад директора САНИИЭСХ, канд. экон. наук С. Н. Усманова, который охарактеризовал современное состояние размещения рабочей силы в сельском хозяйстве республики, заострил внимание на ряде объективных причин низкой занятости колхозников и рабочих совхозов и наметил пути планомерного высвобождения работников из сферы сельского хозяйства для использования их в других отраслях народного хозяйства.

Этой же проблеме были посвящены выступления канд. экон. наук Х. Б. Жаркешева (КазНИИЭСХ) — «Пути рационального использования трудовых ресурсов в совхозах и колхозах Казахстана», доктора экон. наук А. А. Бугуцкого (УНИИЭСХ) — «Экономические проблемы использования труда в сельском хозяйстве Украинской ССР», канд. экон. наук В. А. Димитрий (Саратовский филиал ВНИИЭСХ) — «Вопросы использования рабочей силы в сельском хозяйстве Саратовской области», канд. экон. наук К. М. Булушевой (САНИИЭСХ) — «Использование ресурсов труда в колхозах и совхозах УзССР».

Интересное сообщение на тему «Некоторые вопросы использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве европейских социалистических стран» сделал руководитель сектора Института мировой экономики социалистических стран, доктор экон. наук Г. И. Шмелев.

«Актуальным проблемам повышения производительности сельскохозяйственного труда в десятой пятилетке» посвятил свой доклад канд. экон. наук В. Т. Габидуллин (ВНИИЭСХ). Он, в частности, показал темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве союзных республик в 1970—1975 гг., заострил внимание на недостаточных темпах роста производительности труда в республиках Средней Азии и Закавказья, показал пути повышения ее в десятой пятилетке.

Проблемам повышения производительности труда в хлопководстве посвятил свое выступление доктор экон. наук В. И. Платонов (САНИИЭСХ). «О совершенствовании учета затрат живого труда и перспективах их сокращения в сельском хозяйстве Узбекской ССР» доложил канд. экон. наук А. О. Муртазаев (САНИИЭСХ). «О резервах рационального использования живого труда в земледелии» — канд. экон. наук В. А. Грачаев (ВНИИСХТ). На «Региональные проблемы повышения производительности труда и рациональной занятости в сельском хозяйстве Узбекской ССР» обратил внимание канд. экон. наук К. М. Якубов (ИЭ АН УзССР). На тему «Пути повышения эффективности управленческого труда в сельском хозяйстве Таджикистана» выступила канд. экон. наук М. Н. Ташматова (НИИ животноводства МСХ ТаджССР).

Большое место в работе проблемного Совета заняло обсуждение «Методических вопросов определения совокупных затрат труда в сельском хозяйстве». Проект методики обстоятельно доложил канд. экон. наук Л. Г. Рютов (ВНИИЭСХ). В этой связи интересным было выступление Л. Г. Гончаровой (НИИЭ Госплана УССР) «Особенности и практические результаты учета совокупности затрат труда в колхозах Украинской ССР».

В обсуждении проекта приняли участие доктора экон. наук И. К. Бондарь, В. И. Платонов, А. А. Бугуцкий, кандидаты экон. наук К. Г. Туманян, Н. Л. Копач, Х. Б. Жаркешев. Все выступавшие в целом положительно оценили проект, высказали ряд критических замечаний и предложили ускорить доработку и внедрение этой методики в практику сельскохозяйственного производства.

По итогам заседания были приняты следующие решения:

1. Научно-исследовательским институтам и организациям в 1976—1980 гг. сосредоточить внимание на исследовании проблем:

— сближения двух форм социалистической собственности в условиях индустриализации сельского хозяйства, межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции;

— ликвидации существенных различий между городом и деревней в уровне жизни, условиях труда и быта населения;

— превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального;

— закрепления квалифицированных кадров в сельском хозяйстве, выявления причин текучести рабочей силы;

— социального планирования в сельском хозяйстве.

2. Принимая во внимание региональные особенности воспроизводства и использования рабочей силы в Узбекистане и других хлопководящих республиках, в исследованиях по данной проблеме необходимо учитывать:

— обеспечение полной занятости и рационального использования трудовых ресурсов;

— создание социально-экономических условий для перемещения высвобождающегося трудоспособного населения из сельскохозяйственного производства в другие отрасли народного хозяйства;

— подготовку квалифицированных кадров массовых профессий;

— САНИИЭСХ и другим институтам-соисполнителям уточнить внутреспубликанскую координацию исследований на десятую пятилетку, согласовать их тематику с местными плановыми и сельскохозяйственными органами.

3. Просить Госкомитет труда, МСХ СССР, ВАСХНИЛ и ее региональные отделения создать в институтах экономики и организации сельского хозяйства научные подразделения для изучения социальных вопросов на селе.

Все это будет способствовать дальнейшему развертыванию плодотворных исследований по актуальным экономическим и социальным проблемам использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве.

А. О. Муртазаев

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ А. Н. КОНОНОВА

20 сентября 1976 г. в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР состоялась конференция, посвященная 70-летию со дня рождения выдающегося ученого-тюрколога, акад. А. Н. Кононова. Она открылась вступительным словом вице-президента АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедова, подробно остановившегося на творческом пути юбиляра.

Затем участники конференции заслушали доклад доктора филол. наук Э. И. Фазылова «А. Н. Кононов — исследователь тюркских языков». Он подчеркнул, что акад. А. Н. Кононов — один из виднейших советских востоковедов. Его научные интересы весьма многогранны. Это фонетика и морфология, синтаксис и текстология, лексикография и лексикология, фольклористика и литература, сравнительная грамматика и руника, уйгуристика и чагатаистика и др. А. Н. Кононов — не только тюрколог, но и

арабист, иранист, славист. Яркий представитель филологического направления в отечественной тюркологии, он стал одним из родоначальников советской грамматической школы тюркологов.

Среди многочисленных трудов юбиляра особое место занимают грамматика турецкого и узбекского языков. Его «Грамматика современного турецкого языка» была издана несколько раз (1934, 1941, 1956 гг.) с последующей доработкой и внесением некоторых изменений, обусловленных современными требованиями. «Грамматика узбекского языка», изданная в 1948 г., послужила основой для фундаментального труда «Грамматика современного узбекского литературного языка» (1960 г.). Докладчик подчеркнул, что многочисленные публикации других авторов по грамматике узбекского и иных тюркских языков во многом следуют схеме и классификации частей речи, предложенным в грамматиках А. Н. Кононова.

Доктор ист. наук Б. В. Лунин в докладе «А. Н. Кононов как историограф отечественной тюркологии и востоковедения в целом» отметил заслуги А. Н. Кононова в области историографии изучения тюркских языков и востоковедения.

А. Н. Кононов — автор крупного историографического исследования «История изучения тюркских языков в России. Дookтябрьский период» (1972 г.). Его перу принадлежат также большое количество статей, посвященных истории развития востоковедения, тюркологии, обстоятельные очерки о месте и роли востоковедения в системе Академии наук («История Академии наук СССР»). Под его руководством, редакцией и при активном участии вышел в свет «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дookтябрьский период» (1974 г.).

Историографические интересы А. Н. Кононова проявились и при издании им письменных памятников Востока (в частности, «Родословной туркмен» Абу-л-Гази, «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгари и др.).

Надо отметить также деятельность А. Н. Кононова как редактора историографических изданий, заместителя председателя редакционной коллегии девятитомного собрания сочинений В. В. Бартольда и т. д.

Доктор филол. наук А. Х. Хайитметов в своем докладе «А. Н. Кононов — литературовед-текстолог» прежде всего остановился на принципах составления А. Н. Кононовым сводного текста «Махбуб-ул-кулуб» («Возлюбленный сердец») и научно-критического текста сочинения Абу-л-Гази-хана «Шаджара-и таркима» («Родословная туркмен»), на его подходе к рукописям и определении их достоверности. Так, при подготовке научно-критического текста сочинения Абу-л-Гази А. Н. Кононов использовал, помимо имевшихся рукописей, сотни специальных публикаций по истории, филологии, тюркоязычные словари и т. д.

Изданные А. Н. Кононовым письменные памятники служат образцом для наших тюркологов, востоковедов, занимающихся исследованием и публикацией письменных памятников.

Воспоминаниями о совместной работе с А. Н. Кононовым поделились доктор филол. наук Ш. Шукуров и доц. К. Юсупов, особо подчеркнувшие роль А. Н. Кононова в подготовке национальных кадров тюркологов и развитии тюркологии в Узбекистане.

Участники конференции пожелали юбиляру долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Л. В. Данилова

ПАМЯТИ ПОЭТА-ГУМАНИСТА

6 сентября 1976 г. Отделение истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР и Хорезмский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина провели в г. Ургенче совместную сессию, посвященную 150-летию со дня рождения крупного узбекского поэта-гуманиста Мухаммадьяза Камилля. Участников сессии приветствовал первый секретарь Хорезмского ОК КПУз М. Х. Худайбергенов. Сессию открыл директор Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, доктор филол. наук М. Кошчанов. Он отметил, что М. Камиль был видным представителем демократического течения в узбекской литературе второй половины XIX в.

Доктор филол. наук А. Хайитметов в своем докладе «Аспекты изучения творчества биографии поэта» подчеркнул, что интерес к творческому наследию М. Камилля проявился еще при жизни поэта. Однако всестороннее изучение его было предпринято лишь в советское время. Наши литературоведы осветили различные стороны жизни и творчества поэта.

Доктор филол. наук А. Абдугафуров сделал доклад «Демократическая литература и Камиль», где остановился на идейно-тематической направленности творчества поэта, показал место и значение его в развитии узбекской литературы второй половины XIX в.

Доклад доктора искусствоведения И. Раджабова «Камиль и хорезмские макомы» был посвящен музыкальной деятельности Камилля, известного как композитор и создатель оригинального нотного письма.

В докладах кандидатов филол. наук С. Ганиевой («Махбуб-ул кулуб» Мирзо Бархурдара в переводе Камиля») и В. Муминовой («Латойфут-тавойиф» Али Сафай в переводе Камиля») отмечалось, что Камиль известен не только как поэт, но и как талантливый переводчик.

Доктор филол. наук Ф. Абдуллаев в своем докладе «Язык произведений Камиля» рассказал о языковых особенностях творчества поэта.

Канд. филос. наук Я. Раджабов (Хорезмский ГПИ) сделал доклад на тему «Общественно-политические взгляды Камиля». При этом он подчеркнул, что посещение Камилем таких городов, как Москва, Петербург, Ташкент, оказало большое влияние на формирование его общественно-политических взглядов.

В докладе канд. филол. наук Н. Кабулова (Хорезмский ГПИ) «Сатира в творчестве Камиля» отмечалась острота и глубина сатиры поэта, беспощадно обличавшего реакционное духовенство, силы зла и невежества.

Канд. филол. наук М. Салаева (Хорезмский ГПИ) в докладе «Поэтика произведений Камиля» показала разнообразие поэтических средств в его творчестве.

В докладе канд. филол. наук М. Пирназарова (Хорезмский ГПИ) «Дидактика Камиля» было убедительно раскрыто важное место дидактики в творчестве поэта.

Канд. филол. наук Х. Абдуллаев, выступив с докладом «Камиль и Махтумкули», показал влияние Камиля на Махтумкули.

Работу сессии подытожил доктор филол. наук М. Кошчанов. Вечером состоялась премьера посвященного юбилею Камиля спектакля «Гун ва нохун» (композитор М. Юсупов, драматург Ю. Юсупов).

7 сентября участники сессии побывали в древней Хиве, где жил и умер Камиль. У входа в дом установлена мемориальная доска.

В райкоме партии состоялась встреча участников сессии с трудящимися города, где выступили доктора филол. наук М. Кошчанов, А. Хайитметов, Дж. Шарипов, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР, композитор И. Акбаров и др.

Юбилейные мероприятия еще раз продемонстрировали глубокое внимание наших ученых и широкой общественности к жизни и творчеству талантливого поэта-композитора Мухаммадниза Камиля.

Т. Гафурджанова

МУНДАРИЖА

КПСС XXV сьезди қарорлари — ҳаётга!

И. Искандаров. Экономиканинг юқори эффективлиги ориентир	3
П. Х. Носиров. Умумий ишлаб чиқаришнинг ривожланишида иқтисодий ричагдан фойдаланиш ҳақида	9
Д. Қурбонова. Ўзбекистонда механизатор кадрларни тайёрлашда партиянинг гамхўрлиги	15
З. Р. Бовшовер, А. Ш. Муҳаммаджонов. Ишчи ва хизматчиларнинг мод- дий жавобгарлигини ошириш тартибларидаги янгилик	20
М. Қўшжонов. Ўзбек совет адабиётида меҳнат кишиси образи	27
О. Д. Чехович. Феодал Урта Осиёсида хусусий ер эгаллиги масалсига доир	36
В. Н. Ягодин. Устюрт ва Орол бўйи дельтаси. (1971—1975 йилларда олиб бо- рилган баъзи бир археологик изланишлар натижалари)	45

Илмий ахборот

Ф. Г. Еқубова. ЎзССР мактабларида маориф таълими тараққиёти тарихидан (Тошкент области материаллари асосида)	53
К. Бойниёзов, Н. Оллониёзов, А. С. Пушкин Бекович-Черкасскийнинг Хивага юриши ҳақида	56
П. Г. Булгаков. XII асрнинг номаълум энциклопедик тадқиқоти	57

Танқид ва тақриз

Ф. Х. Қосимов. Муҳим масалалар тадқиқи	62
--	----

Хроника

Н. А. Акопян, Г. И. Желтова. Историография мутахассисларининг бутун- иттифоқ конференцияси	64
Б. И. Кнопов. Ўзбекистон философларининг йиғилиши	65
А. О. Муртозоев. Идоралараро меҳнат иқтисоди проблема Советнинг мажлиси	67
Л. В. Данилова. А. Н. Кононовнинг 70 йиллигига бағишланган конференция	68
Т. Ғафуржонова. Гуманист-шоирнинг хотирасига	69

СОДЕРЖАНИЕ

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

И. Искандеров. Ориентир — на высокую эффективность экономики	3
П. Х. Насыров. Об использовании экономических рычагов в развитии общественного производства	9
Д. Курбанова. Забота партии о подготовке механизаторских кадров в Узбекистане	15
З. Р. Бовшовер, А. Ш. Мухамеджанов. Новое в правовом регулировании материальной ответственности рабочих и служащих	20
М. Кошчанов. Образ человека труда в узбекской советской литературе	27
О. Д. Чехович. К проблеме земельной собственности в феодальной Средней Азии	36
В. Н. Ягодин. Устюрт и Приаральская дельта (Некоторые итоги археологических исследований 1971—1975 годов)	45

Научные сообщения

Ф. Г. Якубова. К истории развития школьного образования в УзССР (На материалах Ташкентской области)	53
К. Байниязов, Н. Алланиязов, А. С. Пушкин о походе Бековича-Черкасского в Хиуу.	56
П. Г. Булгаков. Неизвестный энциклопедический труд XII века	57

Критика и библиография

Ф. Х. Касымов. Исследование важной проблемы	62
---	----

Хроника

Н. А. Акопян, Г. И. Желтова. Всесоюзная конференция историографов	64
Б. И. Кнопов. Совещание философов Узбекистана	65
А. О. Муртазаев. Заседание межведомственного проблемного Совета по экономике труда	67
Л. В. Данилова. Конференция, посвященная 70-летию А. Н. Кононова	68
Т. Гафурджанова. Памяти поэта-гуманиста	69

ПОПРАВКА

На стр. 39 четвертого номера журнала «ОНУ» за 1976 г., строки 27—30 сверху, следует читать:

...Советско-афганская археологическая экспедиция, в деятельности которой активно участвуют и ученые Узбекистана (член-корр. АН УзССР Г. А. Пугаченкова и др.). Экспедиция эта, в частности, занимается разгадкой «кушанской проблемы»...

Цена 40 к.

Индекс
75349